

Министерство образования и науки Российской Федерации
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (НИ ТГУ)

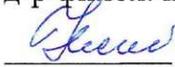
Филологический факультет

Кафедра русского языка

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ В ГЭК

Руководитель ООП

д-р филол. наук, профессор

 Н.Г. Нестерова

« 10 » июня 2019 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

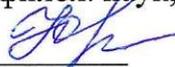
МОДЕЛЬ УЧЕБНОГО ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ МЕТАФОР
КАК СРЕДСТВА ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

по основной образовательной программе подготовки магистров направление
подготовки 45.04.01 – Филология

Томышева Анастасия Дмитриевна

Научный руководитель ВКР

д-р филол. наук, профессор

 Е. А. Юрина

« 10 » июня 2019 г.

Автор работы

Студентка группы № 13782

 А. Д. Томышева

Министерство образования и науки Российской Федерации
(МИНОБРНАУКИ РОССИИ)
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (ТГУ)
Филологический факультет
Кафедра русского языка (КРЯ)

УТВЕРЖДАЮ

Зав. кафедрой КРЯ

 Т. А. Демешкина
« 12 » _____ 2017 г.

ЗАДАНИЕ

по подготовке ВКР магистра студенту Томишевой Анастасии Дмитриевне группы № 13783

1. Тема ВКР работы

«Модель учебного лингвокультурологического словаря метафор как средства обучения русскому языку как иностранному»

2. Срок сдачи студентом выполненной ВКР:

- а) на кафедре _____
б) в ГАК _____

3. Исходные данные к работе

Цель исследования – разработка и обоснование модели учебного лингвокультурологического словаря метафор, входящего в структуру учебника по РКИ «Учимся понимать русскую метафору». **Задачи:** 1. представить теоретическое основание исследования и практической работы по составлению словаря: понятие когнитивной метафоры, образных средств языка, образности как категории мышления, языка и речи; 2. на основе анализа современных художественных текстов осуществить выборку языкового и текстового материала для его дидактической интерпретации в учебнике «Учимся понимать русскую метафору» и учебном лингвокультурологическом словаре метафор; 3. осуществить анализ семантики и функционирования образных слов и выражений, отобранных для лексикографирования, с точки зрения отражения когнитивной метафорической модели, понятийного содержания, образного основания, эмоционально-оценочных, экспрессивных и культурологических коннотаций; 4. разработать приемы лексикографической интерпретации и презентации образных слов и выражений с метафорической семантикой в учебном лингвокультурологическом словаре метафор; 5. осуществить лексикографирование образных слов и выражений с метафорической семантикой и представить фрагменты учебного лингвокультурологического словаря метафор. **Объект исследования** – фрагменты тексты, слова и выражения из книги Дины Рубиной «На солнечной стороне улицы», а также толковые и фразеологические словари. **Методы:** научного описания, лингвостилистического анализа текста, семантического анализа (компонентный анализ, дефиниционный анализ, контекстный анализ), лексикографический метод (составление словаря), метод когнитивного метафорического моделирования.

4. Краткое содержание работы

Глава 1. Обзор и анализ отечественных и зарубежных работ по метафоре и образности как важной части языка и национального сознания.

Глава 2. Образные средства языка и их использование в методике преподавания РКИ, схемы и модели метафоризации, отраженные в семантике образных языковых единиц.

Глава 3. Представление модели словаря и его фрагментов, которые планируется включить в приложение к учебнику «Учимся понимать русскую метафору».

Приложение А. Анализ метафорической семантики образных единиц текста романа Дины Рубиной «На солнечной стороне улицы».

5. Указать предприятие, организацию по заданию которого выполняется работа

Национальный исследовательский Томский государственный университет, филологический факультет, кафедра русского языка.

6. Перечень графического материала (с точным указанием обязательных чертежей)

Не предусмотрен.

7. Дата выдачи задания «13» сентября 2019 г.

Руководитель ВКР
д-р филол. наук, профессор

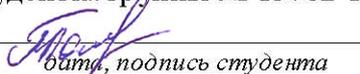
должность, место работы

подпись

Юрина Е. А.

инициалы, фамилия

Задание принял к исполнению: студентка группы № 13782 Томышева А.Д.

дата, подпись студента

Аннотация

Магистерская диссертация посвящена разработке и обоснованию модели учебного лингвокультурологического словаря метафор, входящего в структуру проекта учебника по РКИ «Учимся понимать русскую метафору».

В современной практике преподавания РКИ достаточное внимание уделяется обучению русской идиоматике, которая отражает национальную специфику языка и мировидения. Однако большинство научных материалов представлено не учебниками, а книгами с теоретическим материалом.

В современной лингводидактической литературе по РКИ отсутствуют учебники, посвященные изучению метафоры или уделяющие достаточное внимание метафоре в процессе подачи материала.

Первая глава является теоретической, в которой представлен обзор и анализ отечественных и зарубежных работ по метафоре и образности как важной части языка и национального сознания.

Во второй главе освещаются образные средства языка и их использование в методике преподавания РКИ, а также говорится о схемах и моделях метафоризации, отраженных в семантике образных языковых единиц.

Третья глава является практической и представляет модель словаря и его фрагменты, которые планируется включить в приложение к учебнику «Учимся понимать русскую метафору».

В приложении представлен анализ метафорической семантики образных единиц текста романа Дины Рубиной «На солнечной стороне улицы».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	2
Глава 1. Когнитивная метафора и образные средства её языковой репрезентации.....	6
1.1. Когнитивная метафора	7
1.2. Образность как категория мышления, языка и речи.....	31
1.3. Роль образных средств языка в формировании национальной картины мира.....	41
Глава 2. Образные средства языка как лингводидактический объект в методике РКИ.....	51
2.1. Проблема создания лексического минимума для освоения иностранными студентами русской метафоры.....	52
2.2. Проблема семантизации образных средств языка в учебных целях.....	53
2.3. Презентация образных средств языка в формате учебника по РКИ.....	65
Глава 3. Лексикографическая презентация образных слов и выражений в учебном лингвокультурологическом словаре метафор.....	67
3.1. Методика словарного описания.....	76
3.2. Модель словаря.....	79
3.3. Фрагменты словаря.....	81
Заключение	87
Список литературы	90
Приложение	98

Введение

Данное исследование посвящено разработке и обоснованию модели учебного лингвокультурологического словаря метафор, входящего в структуру проекта учебника по РКИ «Учимся понимать русскую метафору».

Проблемное поле исследования определяется противоречием между частотным употреблением метафор в речи и недостаточным вниманием к освоению иностранными учащимися метафор на уроках РКИ. Решением проблемы является разработка дидактических материалов, нацеленных на освоение метафор иностранными учащимися в процессе обучения русскому языку, в формате учебника. Важной частью учебника является словарь метафор, который служит источником освоения метафорической лексики и средством снятия лексических трудностей в процессе изучения материалов уроков.

Актуальность работы обусловлена потребностью субъектов учебной деятельности в области РКИ в средствах обучения, ориентированных на актуальные коммуникативные задачи речевого общения, в частности – в учебниках и учебных пособиях по экспрессивной, образной, оценочной лексике для развития речи и формирования коммуникативных компетенций.

В современной практике преподавания РКИ достаточное внимание уделяется обучению русской идиоматике, которая отражает национальную специфику языка и мировидения. Такие материалы традиционно включаются в курсы по фразеологии и лингвострановедению. Например, одной из таких книг является «Русская фразеология для немцев» [Вальтер, Малински, 2005.]. Это практическое пособие, тексты которого изобилуют фразеологией, что может сформировать представление об использовании фразеологизмов в речи и повседневных диалогах. Теоретический материал, представленный в учебнике достаточно понятный и качественный, темы занятий (авторы выбрали 10 наиболее употребительных тематических групп) интересны и хорошо структурированы.

Большинство пособий представлено не учебниками, а книгами с теоретическим материалом, одним из которых является «Русские: коммуникативное поведение» Ю.Е. Прохорова и И.А. Стернина [Прохоров, 2011.], представляющая теоретические проблемы, методы и приемы коммуникативного поведения народа (системность, контрастивность и пр), основные черты русского менталитета, определяющие коммуникативное поведение народа, опыт описания русского коммуникативного поведения, параметрическое описание русского коммуникативного поведения в сопоставлении с коммуникативным поведением отдельных народов, описание коммуникативного поведения народа в лингводидактическом аспекте.

В основном учебники и пособия нацелены на обучение языку («Дорога в Россию» [Антонова Ч. 1, 2012.], [Антонова Ч. 2, 2012.], [Антонова Ч. 3, 2009.], «Окно в Россию» [Скороходов Л. Ю. Окно в Россию Ч. 1, 2015.], [Скороходов Л. Ю. Окно в Россию Ч. 2, 2010.], «Матрешка» [Караванова, 2015.], «5 элементов» [Эсмантова Уровень В1, 2016.], [Эсмантова Уровень А1, 2016.], «Поехали» [Чернышов Ч. 1, 2009.], [Чернышов Ч. 2, т. 1, 2009 .], [Чернышов Ч. 2, т. 2, 2010.], «Русский язык по-новому» [Аксенова, 2010.] и пр.) и не делают акцент на изучение метафорического языка. Если в их структуру заложен словарь, он не дает разъяснения метафорической структуры слов и выражений, которые чаще всего являются стертой метафорой.

Обзор учебников показал, что в современной лингводидактической литературе по РКИ отсутствуют учебники, посвященные изучению метафоры или уделяющие достаточное внимание метафоре в процессе подачи материала, что делает задачу составления такого учебника весьма актуальной, а учебник – востребованным в реальной практике преподавания.

Цель научно-практического исследования – разработка и обоснование модели учебного лингвокультурологического словаря метафор, входящего в структуру учебника по РКИ «Учимся понимать русскую метафору».

Для достижения цели необходимо решить следующие **задачи**.

1. Представить теоретическое основание исследования и практической работы по составлению словаря: понятие когнитивной метафоры, образных средств языка, образности как категории мышления, языка и речи.

2. На основе анализа современных художественных текстов осуществить выборку языкового и текстового материала для его дидактической интерпретации в учебнике «Учимся понимать русскую метафору» и учебном лингвокультурологическом словаре метафор.

3. Осуществить анализ семантики и функционирования образных слов и выражений, отобранных для лексикографирования, с точки зрения отражения когнитивной метафорической модели, понятийного содержания, образного основания, эмоционально-оценочных, экспрессивных и культурологических коннотаций.

4. Разработать приемы лексикографической интерпретации и презентации образных слов и выражений с метафорической семантикой в учебном лингвокультурологическом словаре метафор.

5. Осуществить лексикографирование образных слов и выражений с метафорической семантикой и представить фрагменты учебного лингвокультурологического словаря метафор.

Материалом для исследования и составления словаря послужили фрагменты текстов, слова и выражения из книги Дины Рубиной «На солнечной стороне улицы», а также толковые и фразеологические словари.

В данной работе используются **методы** научного описания, лингвостилистического анализа текста, семантического анализа (компонентный анализ, дефиниционный анализ, контекстный анализ), лексикографический метод (составление словаря), метод когнитивного метафорического моделирования.

Новизна работы заключается в создании проекта оригинального учебника в сфере преподавания русского языка как иностранного, не имеющего аналогов. При наличии некоторого числа учебников по

фразеологии и образному языку, а также словарей образного языка (в частности, словарей эпитетов), никто не уделял особое внимание метафоре, как учебной единицы; фразеология, работа с которой представлена в учебниках наиболее хорошо, также не подвергается объяснению в достаточной мере, что мы попробуем сделать в данной работе.

Структура работы представлена тремя главами. Первая глава является теоретической, в которой представлен обзор и анализ отечественных и зарубежных работ по метафоре и образности как важной части языка и национального сознания. Во второй главе освещаются образные средства языка и их использование в методике преподавания РКИ, а также говорится о схемах и моделях метафоризации, отраженных в семантике образных языковых единиц. Третья глава является практической и представляет модель словаря и его фрагменты, которые планируется включить в приложение к учебнику «Учимся понимать русскую метафору». В приложении представлен анализ метафорической семантики образных единиц текста романа Дины Рубиной «На солнечной стороне улицы».

Глава 1. Когнитивная метафора и образные средства её языковой репрезентации.

Метафора как языковое явление отражает картину мира, способ и характер мышления говорящих на данном языке людей, в нашем случае – русском. Метафоры, несмотря на устоявшееся мнение, вероятно, сформировавшееся во многих за годы получения школьного образования, когда изучение метафор и работа с ними для учеников, как исключительно носителей языка, производилась на уроках русского языка и литературы в большей степени на основе литературных произведений, встречаются не только исключительно в литературных произведениях. Метафоры также широко используются людьми в повседневной речи, даже если это и делается почти всегда неосознанно. Помимо того, что метафоры в литературных произведениях призваны делать речь ярче и выразительнее, ту же функцию они выполняют и в речи простых носителей языка, но целью этого является скорее создание яркого и меткого образа, способного достаточно точно и четко передать мысли говорящего, донести их до собеседника в форме наиболее близкой к той, которая была сформирована в сознании.

Метафоры, однако, никогда не рассматриваются отдельно и едва ли затрагиваются при изучении иностранного языка в большинстве учебников и учебных пособий. Изучающие язык начинают самостоятельно и подчас неосознанно усваивать метафорический язык на более продвинутом этапе владения иностранным языком, когда уровень начинает приближаться к уровню носителя. Часто они могут уже самостоятельно делать догадки относительно значения тех или иных метафор, однако, чем дальше языки друг от друга в плане фонетической, лексической и грамматической структур – тем труднее изучающему язык воспринимать метафоры, а также языковые игры любого формата, как, например, это происходит у носителей китайского языка, изучающих русский или английский язык. Несомненно, изучающему русский язык носителю английского, немецкого или испанского языка (и наоборот) восприятие образного слоя русского языка будет даваться

гораздо легче из-за схожести мышления, большей схожести грамматики и частичному совпадению лексики. Но даже несмотря на то, что образный язык усваивается и используется, при этом в сознании редко происходит отождествление фразы или слова с его внутренним содержанием. Фраза, особенно, если это устойчивое выражение, фразеологизм и пр. на ранних этапах изучения запоминается и воспринимается как монолит, не происходит разделение на отдельные части, не разбирается их более глубокий смысл и корни, важность придается только его толкованию.

Кроме того, выявление непрямых значений образного языка может представлять сложность не только для людей, изучающих русский язык, но и для самих носителей языка.

Из всего вышеперечисленного мы можем сделать вывод, что изучение метафоры как самостоятельного объекта лингводидактики является очень важным при освоении любого иностранного языка, и, несомненно, является необходимым наличие качественного материала и системы.

1.1. Когнитивная метафора

Одним из важных понятий, с которыми мы оперируем в данной работе, является понятие когнитивной метафоры.

Вопросами когнитивной (или концептуальной) метафоры наиболее глубоко начали заниматься лингвисты начиная с 70-х - 80-х годов XX века. В их числе были А. Хили, Р. Харрис, А. Ортони, Р. Рейнолдс и другие. Самым авторитетным, подробным, детальным и структурированным трудом по теории концептуальной метафоры с четко сформулированной концепцией данного вида метафоры до сих пор считается работа Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» в переводе с английского А.Н. Баранова и А.В. Морозовой и под редакцией и с предисловием А.Н. Баранова. За исследованием именно этих лингвистов, а также некоторых их русских последователей, таких как Н. Д. Арутюнова, Г.Н. Складаревская, В. Н. Телия и другие, мы пойдем в нашей работе.

В настоящее время в работах по когнитивной метафоре авторы стараются учесть и семасиологический, и когнитивный подход [Балашова, 1998.], [Лагута, 2003.], [Чудинов, 2001.].

Метафора в художественной литературе и в частности в поэзии всегда была объектом активного интереса исследователей. Согласно их теории, процесс метафоризации строится на основе фреймов и сценариев, где фреймы, это опыт общения человека с внешним миром и особенно социумом. Метафоризация происходит при взаимодействии когнитивной структуры источника и когнитивной структуры цели, происходит метафорическая проекция с области цели по образу источника. Перенос значения по какому-либо признаку обнаруживается на уровне семантики и текста [Лакофф, Джонсон, 2004. С. 9].

Авторы книги «Метафоры, которыми мы живем» разделяют образную и концептуальную метафору. В своей книге они отстаивают такую точку зрения, что концептуальная метафора – это не так называемое «сокращенное сравнение» или «скрытое сравнение», как учат всех учеников еще со школы, не исключительно способ сделать речь более красивой и выразительной, а также не просто свойство языковых единиц и самого языка. Метафора помогает познавать, структурировать и объяснять мир, окружающий нас, и при этом создаёт новую собственную реальность. Для них метафора является приемом, способом мышления о мире.

Как пишет Дж. Лакофф, «метафора позволяет нам понимать довольно абстрактные или по природе своей неструктурированные сущности в терминах более конкретных или, по крайней мере, более структурированных сущностей» [Lakoff, 1993. P. 245.]. Также он выдвигал «тезис об однонаправленности метафорической проекции», но он в дальнейшем был раскритикован.

«Устойчивые соответствия между областью источника и областью цели, фиксированные в языковой и культурной традиции данного общества, получили название «концептуальных метафор» [Лакофф, Джонсон, 2004. С.

11]. К числу концептуальных метафор европейской культуры относятся, например, метафорические проекции «*время – это деньги*», «*спор – это война*», «*жизнь – это путешествие*» и др. Концептуальные метафоры могут образовывать согласованные концептуальные структуры более глобального уровня — «когнитивные модели», которые являются уже чисто психологическими и когнитивными категориями, напоминающими по свойствам гештальты когнитивной психологии» [Лакофф, Джонсон, 2004. С. 11]. Метафоричным по своей сути является сам язык, что значит, что мы думаем метафорами [Лакофф, Джонсон, 2004. С. 25].

В качестве примера авторы книги приводят метафору «*спор – это война*» [Лакофф, Джонсон, 2004. С. 26-27], демонстрируя на многочисленных контекстах, что и в русском, и в английском для обозначение каких-либо ситуаций, взаимоотношений и действий людей, находящихся в состоянии конфронтации, используются слова из милитаристской сферы (например, победить в споре, разбить аргументацию, замечания бьют точно в цель). И предполагается, что если в каких-то культурах имеется иная метафоризация для данного понятия, вполне вероятно и отношение к спору как таковому в сознании носителей этих языков будет совсем другое. Отсюда следует утверждение, что «метафора принадлежит не только языку, т. е. не только словам» [Лакофф, Джонсон, 2004. С. 27], но и содержится в самой культуре и сознании людей, которые отождествляют те или иные концепты с некой иной сферой жизни. То есть метафоры находятся в концептуальной системе человека и в системе метафорических концептов, благодаря чему, мы можем воспринимать некий аспект одного концепта в терминах другого.

Концепты могут быть выражены не только какой-либо одной метафорой, например, наряду со сферой-источником «война», метафора спора также связана с метафорой «время-деньги», поскольку человек, участвуя в споре, тратит на вас свое время [Лакофф, Джонсон, 2004. С. 26-31]. Но это черта системности метафор часто упускается из виду.

Фразы и предложения имеют значение сами по себе, вне контекста, и существуют стертые метафоры, которые всеми людьми в практически любой ситуации будут восприниматься должным образом. Но существуют также метафоры, для которых необходим контекст, поскольку без него фраза кажется лишенной смысла (Дж. Лакофф и М. Джонсон в книге приводят пример «Пожалуйста, садитесь на место яблочного сока», записанный Памелой Даунинг [Лакофф, Джонсон, 2004. С. 33]), или же одна и та же фраза будет приобретать разное значение в разной ситуации для разных лиц, которые воспринимают информацию.

При метафоризации уподобление одной сферы другой является лишь частичным, а не полным, но выходя за пределы обычного мышления в поэтическую и литературную сферу, метафоры становятся ярким средством представления образов, которые пытается донести до читателя автор [Лакофф, Джонсон, 2004. С. 34].

Представленный тип метафор Дж. Лакофф и М. Джонсон определяют как структурные метафоры, и также они вводят понятия ориентационной и онтологической метафоры. Про ориентационные метафоры подробно описано в 4 и 5 главе книги.

Ориентационные метафоры – это метафоры, связанные с ориентацией на местности (верх – низ, правый – левый, глубокий – мелкий). Эти метафоры всегда основаны на физическом и культурном опыте людей, и не являются произвольными [Лакофф, Джонсон, 2004. С. 35]. Данный тип метафор обладают внутренней системностью, в них соблюдается принцип «хорошее вверху» (счастье – печаль, сознательное – бессознательное в отношении сна и подобных состояний, власть – подчинение, большее – меньшее количество чего-либо, будущие события вверху (для английского языка), высокий социальный статус – низкий социальный статус, хорошее – плохое, добродетель – порочность, рациональное - эмоциональное).

Онтологическим метафорам как более обширному классу метафор посвящены 6 – 10 главы книги. Это метафоры взаимодействия с

материальными объектами – события, эмоции, деятельность, идеи и пр. в их материальном воплощении неких сущностей или веществ, и направлены они на разные цели. Типичные модели переноса, которые авторы предлагают в качестве примера – это «инфляция – это сущность», «разум – это машина», «душа – это хрупкий объект» и пр. При этом они выделяют метафоры вместилища как отдельную большую категорию, в которую входят метафоры пространства, поля зрения, событий, действий, занятий и состояний. В отдельной главе они описывают метафору персонификации, при которой материальному объекту приписываются свойства человека (например, «Жизнь меня обманула»). Но процесс персонализации отличен в каждом конкретном случае, поскольку каждый раз отбираются определенные черты, необходимые для данной ситуации.

Метонимия шире, чем персонификация. Перенос свойства и качества в данном случае может происходить с любого объекта на любой другой объект, например «Он любит читать Пушкина», «в шкафу стоит хрусталь». Частное ее проявление – синекдоха, например «Я купил новые колеса», в данном случае перенос идет с частного на общее. Авторы дают следующие виды переносов: «часть вместо целого», «производитель вместо продукции», «используемый объект вместо пользователя», «контролирующий вместо контролируемого», «учреждение вместо ответственных лиц», «место вместо учреждения», «место вместо события». Принцип переноса у метафоры и метонимии одинаков, однако в случае с метонимией проще проследить основание переноса.

Еще одной из изученных зарубежных работ является труд лингвиста Зольтана Кёвечеша. Основная задача его книги «Метафоры в культуре: универсальность и вариативность» (*Metaphor in Culture: universality and Variation [Zoltán Kövecses, 2007.]*) – ответить на вопрос, как и насколько метафорическая мысль влияет на понимание культуры и общества. Автор опирается на когнитивные и социальные исследования. В основном в его

работе идут сопоставления языков, теоретических выкладок полезного характера мало.

Метафора – это лингвистический, концептуальный, социально-культурный, нейронный и телесный феномен, который одновременно существует на разных уровнях [Zoltán Kövecses, 2007. – P. 8.].

Автор упоминает работу Дж. Лакоффа и М. Джонсона, но указывает, что она бесполезна антропологам. Говорит, что их заслуги состоят в систематизировании, сделанных выводах и том, что они экспериментально все проверили. Автор согласен и экспериментально подтверждает идею Лакоффа и Джонсона о том, что мы метафорами не только разговариваем, но мыслим ими же. Вслед за Фернандесом (Fernandez, James W. *Beyond Metaphor. The theory of tropes in anthropology*. Stanford, CA: Stanford University press, 1991) говорит, что универсальность метафор преувеличена и случаи неуниверсальности метафор довольно часты.

Он проводит довольно глобальное исследование, в котором пытается ответить на вопросы взаимодействия метафоры с тропами, роли метафоры в культуре и ее различия в разных культурах. В своей работе З. Кёвечеш выдвигает несколько тезисов относительно метафоры. По его мнению, универсальный опыт не всегда рождает метафору, телесный опыт может быть избирателен в создании метафоры, а также подавлен культурой и когнитивным процессом, первичные метафоры не обязательно универсальны, комплексные метафоры могут быть потенциально или частично универсальными, многие метафоры основываются на культурных соображениях и различного вида когнитивных процессах.

Среди русских исследователей одной из ранних изученных в данном исследовании работ были труды В.Н. Телия. В книге «Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке» [Телия, 1981.] автор рассказывает о роли грамматической метафоры в формировании связанного значения слова, семантических предикатах, а именно глаголах в форме

существительного (поднимать восстание, выражать протест, высокая награда и пр.).

Метафора – это динамический процесс, который происходит при порождении речи в процессе речевой деятельности. Словообразовательные средства номинации непродуктивны, поэтому подобные слова существуют в языке. Глаголы, выражающие видимое действие гораздо более продуктивны (в плане аффиксального развития), нежели глаголы, описывающие мыслительную и психологическую деятельность. Косвенно-производные значения слов возникают, потому что человек способен мыслить абстракциями, в том числе активно прибегая к метафоре при создании лексики для названия непредметных сущностей. Исходя из исследуемых примеров, Телия В.Н предполагает [Телия, 1981. С. 151], что за общими именами стоят грамматические метафоры (в случае синтаксической транспозиции) и лексико-грамматическая метафора (в случае лексической деривации). Несвободная сочетаемость слов порождается грамматической (синтаксическая транспозиция) и лексической (преобразование смыслового содержания слов, обозначающих признак семантически ключевого слова) метафорой. Переосмысление идет только у зависимого слова, а ключевое выбирается по своему лексическому значению

Автор дает динамическую модель [Телия, 1981. С. 153] по М. Блэку, состоящую из основного субъекта, вспомогательного субъекта и признаков каждого из субъектов. То же характерно и для грамматической метафоры (*спор, война, надежда* и пр.). Действие, заключенное в отглагольных существительных, выражается в использующихся с ними словах (*заспорить = начинать/заводить спор – начало процесса, давний/старый спор – временной отрезок и т.д.*). Смысловая глубина увеличивается, если подключается лексическая метафора (*зависть гложет, яд зависти, черная зависть* и пр.).

Автор указывает, что существует определенная сочетаемость единиц метафоризации (*дырявая память, но не дырявые знания*, поскольку у слова

память есть коннотация «вместилища», в отличие от слова *знания*, *выскочить из памяти* – *выскочить из знаний*, *пятно позора* – *пятно славы*, *червь сомнения* – *червь убеждения* и пр.). Однако если мы имеем дело с художественной литературой, особенно литературой современной, например, постмодернизм в произведениях Стивена Фрая, то велики шансы того, что будет использоваться разрушение метафорической сочетаемости, устойчивых выражений и фразеологизмов, как стилистический прием.

В работе «Коннотативный аспект семантики номинативных единиц» 1986 г. Телия В.Н. определяет коннотацию как средство экспрессивной окраски номинативных единиц, поэтому тесно связывает ее со стилистикой. Проблемность работы с коннотацией заключается в необязательности этого компонента для значения, малого опыта работы с экспрессивностью (на тот момент) новизны прагматического анализа текста.

Нам интересна часть ее работы, посвященная экспрессивно-оценочной метафоре, поскольку большая часть исследуемых нами метафор является не языковая метафора (ЯМ), потому более экспрессивно проявлены, о чем мы будем говорить далее в работе.

Еще одним из серьезных отечественных научных трудов является работа Арутюновой Н.Д. «Язык и мир человека» 1999 г. В своей работе автор разводит концепты тождества и подобия, заявляя, что похожие предметы не являются один и тем же. Сходство выявляется на основе впечатлений, потому может быть обманчивым, а тождество всегда точное и абсолютное. Также сходство может быть более и менее точным, до того, что предметы почти неразличимы и сходства минимальны. Степени тождества не существует, но есть степень сходства. Сходство происходит по каким-то признакам предметов, с определенным количеством общих черт (их может быть больше или меньше).

Людам интересно и нужно сходство предметов одного класса (брат и сестра), и в поэтическом языке часто используется сходство разных классов («горы похожи на белых слонов»). Тождество объединяет одного и того же

индивида или один и тот же класс объектов (лингвистика – это языкознание). А если отношения подобия устанавливаются между предметами одной категории, то образ не создается, если сходство устанавливается между предметами разных классов, то получается образное сравнение. Уподобление нарушает границы естественных родов, но в большинстве сохраняет границы общности, ибо указываются признаки, послужившие основанием для сравнения. Но при тождестве нет распространителей, потому что объект не может быть тождественен себе по каким-то признакам. Но можно спросить, почему один объект приравнивается к другому. Отсюда мы имеем следующую структуру [Арутюнова, 1999. С. 277]: субъект + общий признак + объект.

Отношения сходства ассиметричны в логическом, синтаксическом и коммуникативном аспектах (Можно сказать «*Сестры похожи друг на друга*», но нельзя сказать «*Человек и волк похожи друг на друга*»). Отношения же *тождества* симметричны логически и синтаксически. Синтаксическая инверсия недоступна только в случае коммуникации (тема-рема), «Москва столица России», «столица России – Москва». А значит, отношения подобия более экстенсивны.

Далее Арутюнова Н.Д. говорит о том, что, по сути, метафора, как и множество тропов и других стилистических приемов, и фигур речи, является слиянием тождества и подобия [Арутюнова, 1999. С. 279]. Метафора – гибридный троп, в котором подобию придается вид тождества. Метафора (как и тождество) без измерения констатирует факт, и не эксплицирует признаки, по которым производится сравнение (неспособность синтаксического распространения).

Также она выделяет и противопоставляет метафору и метаморфозу по признаку экспликации, говоря, что метафора – бесцельна, а метаморфоза «претендует на действительные преобразования, осуществляемые с определенной целью» [Арутюнова, 1999. С. 279]. [«Хлестаков. Как бы я желал, сударыня, быть вашим платочком, чтобы обнимать вашу лилейную

шейку» Гоголь.] Обе они – уподобление, но метафора «подавляет» общий признак, а метаморфоза его эксплицирует в виде обстоятельства цели.

Предложения с метафорическим предикатом похожи на утверждения тождества, так как:

- 1) содержат фактуальное суждение;
- 2) указывают на неградуированный/статичный признак;
- 3) дают константную характеристику предмета;
- 4) не допускают синтаксического распространения признаковыми словами.

Отсюда следует, что метафора принимает на себя номинативную функцию: является постоянным именем какой-либо категории предметов; и она субъективна (интуитивна), в то время как тождество – объективно. Логически истинность метафоры установить нельзя, так как в отличие от тождества метафора образна, а значит предикативная метафора не кореферентна своему субъекту. В этом метафора близка подобию. Метафорическое имя обычно реферирует не к отдельному предмету, а к классу, и его типичному представителю, потому она ассиметрична, и не допускает инверсии. Метафора сближает признаки, занимающие разное место в моделях сопоставляемых объектов (индивидуальное – классовое).

Существуют определенные ограничения на пути метафоризации, например, сравнения с индивидуальным объектом (*человек – лиса, политик – Талейран. Талейран – лиса* (метафора); *лиса – Талейран* (нет)), сравнения, ограниченные одним классом объектов (*зубки у нее – малина, глаза вишенки*), функциональное уподобление (*писатели - учителя жизни*) и пр. Из этого можно сделать вывод, что помимо формальных запретов, есть еще и семантические, связанные с природой вещей, что уже не является предметом изучения лингвистики. По ее словам, «сравнение доступно любому наблюдательному человеку, метафора – только мастеру» [Арутюнова, 1999. С. 282]. Нам важно то, что, несмотря на то, что Арутюнова Н.Д. говорит о невозможности такого рода метафор, часто такое можно встретить в

литературе, которую мы используем в качестве материала для данной работы.

Автор ведет разговор о семантических типах и синтаксической структуре метафоры. В лингвистической среде существует две противоположные точки зрения на толкование метафоры. Первая гласит, что для истолкования метафоры нужны словари и энциклопедии (экстралингвистические знания). [И. Левенгберг – Loewenberg, 1975] Вторая же утверждает, что важна только семантическая структура слова. [Д. Бикертон – Bickerton, 1969]. Во втором случае, подчеркивается важность «специфического атрибута», твердость в английском языке *iron*, а в испанском «сталь» *асеро*. Лексемы, содержащие такие маркированные знаки подвержены метафоризации, причем важнее частные признаки, чем общие: значение переходит категориальные барьеры. Арутюнова Н.Д. же указывает, что вероятнее всего специфический атрибут относится не к семантике слова, а как раз представлениями народа.

Для метафоры важны лексико-семантические и функционально-синтаксические характеристики. На формирование категориального и лексического значения слова влияют две функции: идентификации предмета речи (тема), предикация (рема). Другие синтаксические позиции или отвечают одной из этих коммуникативных задач, или им обеим (например, имя и обращение). Функции субъекта и предиката выполняют: идентифицирующие имена (конкретная лексика) и семантические предикаты (прилагательные, глаголы, оценочные, качественные и, отчасти, функциональные существительные). Противопоставленность задач на распределение слов по семантическим типам и определяет семантические преобразования в речи.

Классически предикатные слова (ПС) моносемны, и определены в смысловом аспекте, а идентифицирующая лексика (ИЛ) дескриптивна (многопризнаковость) и семантически нерасчлененна. ИЛ создает зону синтеза (для номинации класса объектов, а том числе естественных родов), а

ПС задают зону анализа, создающую ясность для собеседников. Многопризнаковость ИЛ приводит к сужению области их референции, моносемность ПС приводит к широте их приложимости к предметному миру. Чем более дискриптивнее значения слов, тем легче на их основе создается метафора.

Метафора передает индивидуальность, неповторимость предмета. А предикаты дают категориальные (таксономические) характеристики, включая его в различные классы, Метафора включает его в классы, к которым он изначально не принадлежал, и связана с позицией предиката, она вносит синтез в зону анализа, но входя в общенародный язык, начинает действовать по его законам.

Метафора отвечает за функцию предиката, а за идентифицирующую функцию отвечает метонимия. Она выделает предмет речи из области наблюдаемого: «Шляпа оторвалась от чтения газет; берет нахмурился; военная фуражка вскочила с места». А если на предмет перелагаются качества (безвольный, рассеянный человек), то субъект перемещается в позицию предиката. Если метафора используется в качестве идентификатора, то его предваряет указательное местоимение, идентификация здесь вторична. Метафора – это по сути процесс переработки представлений, знаний и оценок в языковое значение, это сдвиг в значении, а метонимия – в референции, так как метафора выполняет характеризующую функцию (выполняемую через значение слова) и ориентирована в основном на позицию предиката, а метонимия выполняет идентифицирующую функцию (выполняемую через референцию имени), ориентирована на позицию субъекта и других актантов. Поэтому они находятся в контрасте по отношению друг к другу, и могут присутствовать в предложении одновременно.

Семантическая сочетаемость метафоры и метонимии прямо противоположны. При метонимии определения, имеющие отношения к самому объекту, не могут быть применены к лицу, на которое делается

перенос. Определение находится внутри метонимии, а предикат, занимает внешнюю позицию по отношению к метонимии. Определение метафоры может характеризовать реальный денотат, а сказуемое находится лишь поверхностно в «семантическом согласовании». Развертывание метафоры идет от субъекта к предикату и осуществляется через все предложение, превращая метафору в образ. Предмет должен вводиться прежде, чем о нем говорить, чтобы его можно было отнести к какому-либо классу. А тропы индивидуализируют объект и сужают значение, поэтому они не используются в экзистенциальных предложениях: «Жила-была одна шляпа». Исключения могут составлять предложения типа: «Вдруг я увидел медвежью шубу. Шуба обернулась ко мне и спросила...». В этом предложении предикаты дают понять, что произошел переход от прямого значения к метонимическому. Обращение как характеристика (субъективная оценка) и идентификация адресата, использует как метонимию, так и метафору. «Не зевай, шляпа! Эй ты, лапоть!»

Метафора и сравнение весьма близки за исключением наличия компаративной связки (как, подобно, точно, словно, будто, как будто) или предикативов «подобен», «сходен», «похож», «напоминает». Их отсутствие и считается основным метафорическим приемом. У метафоры и сравнения разные логические отношения. Сравнение можно сочетать с предикатами разных значений, указывающие на действия, состояния и аспекты объекта, которые стимулируют употребление. Субстантивная метафора синтаксически неподвижна. Не используются аспектирующие, уточняющие, интенсифицирующие, обстоятельственные модификаторы. Метафора вводится связкой. Метафора очень краткая, сокращает речь в отличие от сравнения, выражает устойчивое подобие одного объекта другому, но не допускают обстоятельств места и времени (*Вы сейчас медведь. На той неделе в лесу он был медведь*). Это характерно для сравнения (*в ту минуту он был похож на разъяренного тигра*). Метафора используется в ситуациях случайного подобия. Не говорят «*вчера он был подлецом*», можно сказать «*он*

вел себя как настоящий подлец», но компаратив в этой фразе выводит нас опять на сравнение. Образная субстантивная метафора: имеет термин сравнения (вспомогательный субъект), его признак(и), и свойство основного субъекта (то, зачем мы прибегаем к метафоре). Это все возникает при пересечении признаков двух субъектов. В метафоре сокращается компаративная связка, и основание сравнения. Сравнение трехчленно (А сходно В по признаку С), в метафора обычно двухчленна (А есть В). Также в метафоре отсутствуют модификаторы и объяснения.

Также в работе Арутюнова Н.Д. рассматривает метаморфозу в сравнении с метафорой. Метаморфоза – это явление, выражаемое творительным падежом (*«Еще недавно ласточкой свободной Свершила ты свой утренний полет»* Ахматова А.), эти метаморфозы воспринимаются как реальность. Метафора работает в сфере семантики, имея в своей структуре определяемое (субъект) и термин сравнения (вспомогательный субъект), который дает признаковое значение. Использование метафоры дает более точную интерпретацию признака: *«Собакевич медведь»* дает нам понимание, что неуклюжесть его именно та, которая свойственна этим животным. Метаморфоза не использует основной субъект, поэтому творительный падеж используется после глаголов «казаться», «представляться», «видеться».

Метафора в отличие от метаморфозы имеет «выход в языковую семантику» [Арутюнова, 1999. С. 357] таким образом преобразуя значения, и метаморфозы тоже отражены и закреплены в языке, но как характеристика действия (бежать рысью, идти гуськом и пр.).

Арутюнова Н.Д. не вдаётся в подробное исследование метаморфоз, чего в нашей работе также не будем делать и мы, но отмечает важный момент того, что даже при их сходстве метаморфоза отражает скорее преходящий признак, по которому происходит сравнение объектов, а метафора постоянный [Арутюнова, 1999. С. 357]. И то же самое происходит в случае со сравнением, которое может указывать как на постоянный, так и преходящий признак.

По ее выводу, парадигматически она противопоставляет метафору сравнению и метаморфозе по наличию либо отсутствию идентификации объектов и того, является признак постоянным либо преходящим.

Автор рассматривает отношение метафоры и лексических классов слов. Метафоризация может происходить в пределах одной семантической категории, так и совершать переход в другую семантическую категорию. Номинативная метафора нуждается в контексте (*глазное яблоко, ушко иглы, рукав реки* и пр.). Это приводит в омонимии, которая опирается на внешние признаки объекта, его визуальный образ (*лист бумаги, игла хвои* и пр.). Но она не призвана создавать яркий и живой образ, а просто указать на объект, она исчезает, выполнив свою функцию. Метафора в позиции предиката используется для создания образа и характеристики объектов. «Экий кулак!» (Гоголь Чичиков о Собакевиче), «Действительно, Сева гусь» (Олеша Ю.). Метафора индивидуализирует объект, внося в речь более конкретные предикаты. Интерпретация же каждого субъекта восприятия может быть разной, поскольку одни и те же языковые единицы в сознании разных индивидов вызывают разные образы, эмоции и ассоциации. Однако из метафоры извлекаются сознанием только признаки, совместимые с денотатом. Сравнение человека с лисой происходит по характеру или поведению, но исключительный воспринимающий при этом может подумать, что, допустим, у сравниваемого объекта есть хвост, как у лисы. Поэтому, по словам Арутюновой Н.Д. [Арутюнова, 1999. С. 359], метафора не способна дать настоящую оценку объекта. Когда метафора, переходя в широкое употребление, теряет целостный образ и становится моносемной (чурбан – тупой, бесчувственный, сорока – болтливый, заяц – трусливый и пр.), реже остается два значения, например, «свинья» - «нечистоплотный» и «неблагодарный».

Но и «мертвая» метафора сообщает об объекте разные смысловые нюансы: например, неуклюжего человека можно охарактеризовать словами «медведь», «слон» и «корова», при этом очевидно, что неуклюжесть,

свойственная медведю не будет такой же качественно, как неуклюжесть, свойственная корове или слону. Так медведь – косолапый, слон – тяжелый, а корова – неповоротливая. И подобное «отмирание» метафор приводит к синонимии, которое в течение времени приходит к большему сближению значений синонимов.

Существует обратный процесс перехода признакового значения в идентифицирующее метафорическое, что считается (опять же, по мнению автора) неблагоприятным процессом для метафоры. Это происходит, когда созданным людьми артефактам дают названия, построенные на отвлеченном признаке, причем не признаке денотата, а признаке потребителя, например, духи «Грезы», «Восторг», шоколад «Вдохновение» и пр. По тому же принципу создаются обращения «солнце мое», «радость моя», а также имена Вера, Надежда, Любовь. И все это, несомненно, является метафорой.

Метафора может быть выведена из сравнения. И видно, что уподобление происходит по вполне конкретному признаку: ветер воет/стонет/свистит, как зверь/человек, по качеству и характеру издаваемого звука. Происходит обеднение предиката, но и более тонкая дифференциация признаков тех или иных категорий реалий. Расширение предметной области действует по двум принципам: 1. от конкретного к абстрактному 2. антропо- и зооморфизм. Определения пространства легко можно использовать со временем (длинный путь – длинный день), но определения, характеризующие время, не могут переноситься на пространство (долгий путь – речь идет о времени). Многие из метафор такого типа используются настолько часто, что постепенно метафора изживает себя.

Метафорической потенцией обладают конкретные (физические) предикаты (*белый, острый, тонкий* и пр.), дескриптивные глаголы (*глотать, пилить, кричать* и пр.), предикаты, по которым можно однозначно определить предмет сравнения (*зреть, таять, течь* и пр.). Предикативная метафора формирует недостающие языку значения. Особенно это заметно, когда метафора описывает признаки признаков предметов («теплый»,

«холодный» о тоне цвета; «высокий», «низкий», «яркий», «густой» о качестве голоса). При этом если мы будем говорить о «холодном море», мы будем говорить о его температуре, то есть его прямом признаке, а не о признаке его признака, то есть его цвете. Также подобные предикаты используются при описании психических характеристик человека: *горячий, холодный, мягкий, твердый, легкий, прямой, замкнутый, гибкий, блестящий* и пр. Также метафора характеризует идеи, события, процессы и абстрактные понятия (*развиваться, гибнуть, нести; наступать, вытекать, предшествовать; хотя, несмотря на, ввиду* и пр.).

Предикатная метафора – это источник полисемии, и является вынужденной, поскольку не существует прямых номинаций. Когнитивная метафора также не является стойкой (*острое зрение, острый ум, острый конфликт*), это стертые метафоры, в сознании не возникает ассоциаций с острыми предметами. Предикативная метафора – база для метафорических дериватов (*деревья шепчут - шепот деревьев*). Вторичная метафора существует в пределах микроконтекста, который помогает извлечь ее значение. И в поэтических текстах обычно вводится сразу вторичная метафора. Многие прилагательные, несущие в себе метафорического значения, обычно вступают в атрибутивные, нежели предикативные значения (*темная личность, низкий человек*).

Автор выделяет номинативную метафору (перенос названия), образную метафору (переход дескриптивного значения в предикативное), когнитивную метафору (сдвиг сочетаемости предикативных слов или перенос значения) и генерализирующую метафору (конечный результат когнитивной метафоры). Все метафоры стираются со временем, самые неустойчивые – номинативная и генерирующая метафоры, самой устойчивой является образная метафора. Метафора «погибает», переходя к номинативной функции. Метафора однозначно усложняет понимание текста.

Выпущенная в 1993 году работа Складневской Г.Н. «Метафора в системе языка» дает нам более глубокий взгляд на языковую метафору.

Скляревская Г.Н. в этом труде переработала и внесла коррективы в некоторые теоретические положения других авторов, в частности понятия коннотации, выделила семантические типы ЯМ.

Интерес к метафоре проснулся в таких научных сферах как философия, логика, психология, психолингвистика, стилистика, литературоведение, семасиология. Но, по мнению Скляревской Г.Н., важно, прежде всего, исчерпывающе изучить метафору в лингвистике, и она выводит на обсуждение вопросы о месте языковой метафоры в лексико-семантической системе языка и системном характере метафоры во внешнем аспекте системы.

На момент написания книги Скляревская Г.Н. выделяет следующие 11 направлений изучения метафоры: семасиологическое, оносамиологическое, гносеологическое, логическое, собственно лингвистическое, лингвостилистическое, психолингвистическое, экспрессиологическое, лингвистико-литературоведческое, лексикологическое, лексикографическое. Наша работа посвящена лексикографическому аспекту изучения метафоры, которое на тот момент Скляревская Г.Н. считает еще не до конца сложившимся. Задачи таких исследований она видит в разграничении живой и генетической метафоры, переносного значения и образного употребления слов [Скляревская, 1993. С. 11]. Также ею выделены следующие стадии процесса метафоризации [Скляревская, 1993. С. 11]: сравнительные обороты, образные применения слов, переносные оттенки прямых значений, переносные значения, интерпретируемые как отражение этапов образования метафоры и освоения ее языком. Материалом исследований является художественная речь, этапы не показаны в развитии, источником материала также выступили толковые словари, помогая интерпретировать языковую метафору как системное образование языка, которая отличается от метафоры художественной.

Автор категорически разводит языковую и художественную метафоры, критикуя авторов, которые, выдвигая объектом исследования языковую

метафору, проводят исследование на художественных метафорах. Она дает следующие толкование языковой метафоры – «вторичная косвенная номинация при обязательном сохранении семантической двуплановости и образного элемента» [Скляревская, 1993. С. 12], ставя ее в один ряд с тропом и заставляя искать лингвистические критерии размежевания языковых метафор и тропа.

В лексикологии ЯМ разведена с художественной (ХМ), как образное средство с генетической метафорой (ГМ) и безобразным производным значением. Метод компонентного анализа помогает рассмотреть метафору «изнутри», как набор семантических элементов. Дифференциальный метод помогает разграничить значения в структуре слова. Интегральный подход рассматривает язык в целом как гибкую систему, а в каждом слове заложено бесконечное количество смыслов.

Автор вводит понятие лексического значения как «сложной избыточной структуры, состоящей из денотативного содержания, включающего ядро и периферию, и коннотативного окружения» [Скляревская, 1993. С. 15-16]. Нет общего точного употребления для данного термина (обозначение одного признака или совокупности признаков), и входит ли лексическое значение в понятие коннотации. Однако обычно под этим понимается разнородные семантические элементы (экспрессивные, оценочные, стилистические, прагматические и т.д.) и ассоциации, связанные с объектом.

Многими исследователями метафора воспринимается, как нечто алогичное, не поддающееся пониманию в том, по какому принципу оно происходит, например, работы А.Н. Веселовского, Н.Д. Арутюновой, В.Н. Телии, Л.С. Выготского, Х. Касареса, М. Мюллера и пр. Скляревская Г.Н. ставит перед собой задачу опровергнуть эту идею в отношении языковой метафоры, поскольку в ее задачи входит ее системное описание в составе языка. «Нелогичность» метафоры лежит не в прелогическом мышлении, а в особой логике метафоризации. Метафора особенно выглядит нелогичной при

сравнении с метонимией, поскольку при метафоризации мы ищем сходства между не близкими друг другу явлениями и объектами. И закономерности в каждом конкретном случае действительно не найти (*жердь – высокий и худой человек; лошадь – неповоротливый, неуклюжий*). Для понимания метафоры необходимо использовать воображение. Однако при кажущейся непредсказуемости, языковая метафора представлена в толковых словарях, но она представлена в статической форме, а не в динамической (процесс образования метафоры). И нужно проводить грань между ЯМ и ХМ, поскольку «нелогичной» является именно художественная метафора. Однако целью нашей работы будет систематизация как ЯМ, так и ХМ, невзирая на их «нелогичность».

Автор категорически разводит «живую» и генетическую метафору и общеязыковую и художественную, заявляя, что ГМ И ХМ просто смежные с ЯМ языковые явления, но не обладающими общими особенностями. Также она отделяет безобразное производное значение и метонимию в смежные явления.

Скляревская Г.Н. дает сравнение ЯМ И ХМ, где ЯМ готовый элемент лексики, а ХМ творческая и неповторимая. ЯМ и ХМ различны по своей семантической и коммуникативной сущности. Для ХМ необходим контекст, без него значение ее останется неясным. Существуют взаимопереходы образов из общего языка в художественную речь, но они не тождественны, поскольку ЯМ в отличие от ХМ используется в потоке речи и легко может быть заменена семантическим эквивалентом без ущерба для смысла. ЯМ при своей сложности поддается семантическому структурированию, однако каждая ХМ неповторима. Тем не менее, часто они выступают как единый объект исследования, что Скляревская Г.Н. оспаривает, заявляя, что они слишком разные по своей сути, особенно это можно заметить, если они находятся в пределах одного предложения. ХМ она определяет как «авторскую». Она также относит к ХМ риторическую метафору (художественные штампы *закат жизни, паутина лжи* и пр.), а к ЯМ

потенциальную ЯМ (*парафиновый* = *белый*, *палаческий* = *губительный* и пр.), которые в нашей работе мы будем относить к ЯМ.

ГМ смежное с ЯМ явление (часы отстаю, часы идут, ручка двери, горлышко бутылки и пр.). Для ГМ характерна утрата мотивированности, нет семантической связи с первоначальным денотатом, она больше не «живая», поэтому не рассматривается автором как ЯМ. Есть ГМ утратившие двуплановость, но сохранившие коннотативное значение (экспрессивность и оценку): *олух*, *волынить*, *карга* и пр. Также *бахнуть*, *брякнуть*, *тяпнуть* и пр. К их же числу относят профессионализмы: *баранка* (руль), *гусеница* (трактора), *головка* (детали) и пр. Незнакомым с этой сферой людей эти слова могут казаться метафоричными, потому что идет апелляция к значению на основе формы, однако это мнимая метафоричность.

Автор вводит понятие «символ метафоры», чтобы обозначить семантический посредник метафоризации, то что участвует в преобразовании смысловой структуры слова в процессе метафоризации.

В отличие от широкой трактовки лексического значения как структуры, включающей денотативные и коннотативные значения и как денотативного содержания (дифференциальный подход), Г.Н. Складаревская предлагает интегральное понимание ЛЗ, и общим принимает такой семантический элемент, который одинаково релевантен для исходного и метафорического значения, и фиксируется в словарях. Объективно общий семантический элемент между исходным и метафорическим значением отсутствует, если его удастся вычлениить, он носит исключительно субъективный характер, говорит автор о результатах системного анализа [Складаревская, 1993. С. 46]. Связующий семантический элемент может быть легко вычленен в одном случае («*море*» = сема «*обширное пространство*», «*океан*», «*пучина*» = сема «*глубина*»), и быть более сложным в других случаях, если в основе сравнения лежит не конкретный признак, а общее впечатление от объекта (овца, столб, бревно, размазня и пр.). В этом случае может реализоваться не одна сема, а больше, но их можно вычлениить только при более глубоком анализе. В

номинативном значении слова «лиса» «хитрость» является потенциальной семой, но в ЯМ эта сема дифференциальная.

«Символом метафоры» Г.Н. Складаревская обозначает «элемент семантики, состоящий либо из одной семы, либо из совокупности сем, который в исходном номинативном значении относится к сфере коннотации, а в метафорическом значении входит в денотативное содержание в качестве ядерных (дифференциальных) сем и служит основанием смысловых преобразований в процессе метафоризации» [Складаревская, 1993. С. 47-48]. Процесс метафоризации, по мнению автора, происходит при двойкой поэтапной квалификации: есть сама квалификация, субъект и объект, основание и предмет (эмотивная реакция субъекта речи) квалификации: при сравнении человека с животным, нужно сначала связать качества с определенным животным.

Г.Н. Складаревская выделяет семантические виды языковой метафоры, сразу оговаривая, что предложенная ею классификация условна [Складаревская, 1993. С. 48].

Мотивированная ЯМ – имеет условную сему, непрямо связывающую значение метафорическое и исходное. Критерием выступили словари: автор искала дефиницию метафорического значения в словаре, либо наличие в словарной статье сравнительного оборота с тем же признаком, как у метафоры. (*карикатура, кремень, монах* и пр.; *важничает, как петух; драчливый, как петух*). Синкретическая ЯМ идет еще от древнего сознания, когда чувственные впечатления (зрительные, акустические, вкусовые, обонятельные, тактильные и пр.) не отделялись от психологических (*черная тоска, блеснула догадка*). Ассоциативная ЯМ существует благодаря тому, что сознание способно находить аналогии между объектами. Это самый многочисленный тип метафоры. Ассоциативная признаковая ЯМ не имеет исходного номинативного значения, но связана по мысленным ассоциациям (*базар, казнить, корыто* и пр.), которые каждый член языкового сообщества способен проводить самостоятельно. Часто несет в себе именно

художественные, нежели семантические функции. В ассоциативной психологической ЯМ символ метафоры - это «аморфное семантическое образование» [Склярская, 1993. С. 64], часто не имеющее реальных оснований под метафорическими коннотациями (*бревно* - тупой, глупый, нечуткий человек; *корова* - неповоротливая, неумная женщина; *попугай* - человек, повторяющий только чужие слова.).

Все в мире находится в отношениях системы, и человек постигает мир благодаря лексической системе своего языка. Для обозначения отображаемой в языке реальности Г.Н. Склярская использует широко используемый термин «языковая картина мира». Она касается в работе интегральной и дифференциальной картины мира, где первая являет собой языковое содержание, а вторая – это те семантические особенности, которые являются различными в разных языках. И останавливается подробнее на дифференциальной картине мира, поскольку в фокусе ее работы один язык, а не их сопоставление. Системный характер ЯМ рассматривается ею в трех аспектах 1. типологии метафорических переносов 2. когнитивных связей и отношений 3. лексических связей и отношений.

Исследование лексики начинается с ее классификации по денотативному признаку. Вся метафорическая лексика разделена по тематическим группам, соотносимым с понятийными полями. Самостоятельными метафорами считаются дериваты с уменьшительным суффиксом (кукла, куколка), названия лиц мужского и женского пола (барин, барыня), самцов и самок (тигр, тигрица), взрослых особей и детенышей (бык, корова, теленок), поскольку семантическое наполнение данных метафор может отличаться. При этом идет следование общему принципу классификации лексики и структуре идеографических словарей.

Поставленные автором методические задачи: классификации должны иметь вспомогательный характер и прагматическое значение - быть ориентиром в дальнейшем распределении метафорической лексики.

Скляревская Г.Н. приводит классификацию денотатов [Скляревская, 1993. С. 67-95], которую мы будем использовать при определении сфер-мишеней и сфер-источников, но не будем приводить в нашей работе.

Еще одна работа, использованная в нашем исследовании – «Основания когнитивной семантики: учебное пособие» Никитина М.В. В третьей главе он говорит о концепте и значении (вводит структуру «денотат – концепт – значение», где денотат – объект, получивший дополнительный релятивный признак объекта обозначенного).

Ссылаясь на Дж.Лакоффа, Никитин М.В. говорит о четырех моделях процессов категоризации: 1) пропозициональные модели; 2) схематические модели образов (траектории, длинные и тонкие формы, вместители); 3) метафорические модели (переход от моделей 1 и 2 к соответствующим структурам другой области); 4) метонимические модели (модели 1, 2, 3 дополненные указанием функций).

Беляевская Е.Г. позже переосмыслила ее как трехчастную модель [Беляевская, 2000.]: 1) когнитивные модели образ-схематического типа, аналогичные гештальтам в психологии; 2) метафорические концепты; 3) концептуальные схемы, представляющие собой иерархические системы, состоящие из элементарных/базовых концептов.

Отношения между концептом и метафорой: если автор не думает о своем адресате, метафора может оказаться непонятной и закрытой для адресата. Метафора проясняет один концепт через другой.

Метафорический перенос возможен только при аналогическом сходстве денотатов, то есть сравниваемые объекты принадлежат разным предметным областям.

Проговаривает все функции метафоры: становление концепта (когнитивная), актуализация концепта (коммуникативная), эмоциональная окраска высказывания (прагматическая).

1.2. Образность как категории мышления, языка и речи.

Не только метафоры, но и язык в целом отражает культуру и взгляды на мир, определенные события народа и отдельно взятого индивида. Воспринимаемый с раннего возраста язык закладывает в человеке определенное видение мира, поведенческие и коммуникативные стереотипы.

Однако наиболее ярко взаимовлияние языка и культуры, а значит, и мышления человека в целом проявляется на образном слое языка. При этом все языковые единицы лингвистически детерминированы, поскольку образы являются общепризнанными и узнаваемыми в определенной языковой среде [Юрина, 2005. С. 3.].

Устоявшиеся в языке и общепринятые стерты метафоры представляют собой типовые образные представления, существующие в языке данной культуры. Данные образные представления отражают культурно-исторический опыт народа и закладывают в каждом индивиде образные модели, характерные для данного языка. Следовательно, образный строй языка предопределяет мышление человека, которое в дальнейшем проявляется в речевой деятельности и текстах [Юрина, 2005. С. 4.].

Существует две традиции изучения систематических отношений языковых образов: первая из них – лингвистическая, а вторая – лингвостилистическая. Первая является семантической, и в ее задачи входит изучение типовых образцов на материале разных функциональных стилей языка. Методологической базой являются: 1) теория языковой и концептуальной метафоры, представленная в работах Апресяна Ю.Д., Арутюновой Н.Д. и пр., 2) лингвокультурологические и когнитивные исследования ключевых концептов национального сознания, языковой концептуализации действительности и фрагментов языковой картины мира, представленных в работах Арутюновой Н.Д., Кубряковой Е.С. и пр., 3) теория лексической и фразеологической образности, представленная в работах Блиновой О.И., Телия В.Н., Лукьяновой Н.А. и пр. Лингвостилистическое направление занимается образным строем

поэтического языка, изучает как базовые явления, характерные для языка в целом, так и индивидуальные употребления.

Однако оба этих направления подходят к языку как к системе, давая типологию образных моделей и изучают национально обусловленное и индивидуальное употребление образных средств в речи [Юрина, 2005. С. 4-5.].

Языковой образ трактуется в языкознании неоднозначно. Во-первых, образ – как первичное чувственное восприятие, во-вторых, образ – как вторичный ассоциативный образ, поскольку в человеческом сознании восприятие образа происходит именно в два этапа – восприятие его зрительно, на слух и пр., а затем восприятие его характеристик и оформление его в сознании. Считается при этом, что чувственные образы связаны с рациональным мышлением [Юрина, 2005. С. 13.].

Образы индивидуальны, но при этом обязательно имеют концептуальную составляющую и неразрывно с ней связаны. Чувственный образ при этом обладает способностью создать образ в сознании человека благодаря содержанию слов и выражений. И образность здесь, по Колодкиной Е.Н. [Колодкина, 1986. С.73.] – это «способность слова вызвать мысленный образ предмета или явления, обозначенного словом», а языковой образ это чувственно воспринимаемая форма существования концепта. [Юрина, 2005. С. 14.]

Человеческое восприятие антропоцентрично, поскольку абстрактное мышление состоит из концептов, которые выражаются в языке чувственно воспринимаемыми образами, а они в свою очередь осознаются при сопоставлении с другими объектами такого рода, при этом малоизвестные образы всегда сопоставляются с более знакомыми сознанию [Юрина, 2005. С. 17-18.].

В языкознании существует понятие внутренней формы слова (ВФ) (например, в трудах Потебни А.А.), которая дает представление о том, как для человека выглядит его собственная мысль.

В русле мотивологического направления русистики ВФ трактуется как «морфосемантическая структура слова, позволяющая осознать взаимообусловленность его звучания и значения» [Блинова, 2010. С. 16.]. Говорящий при этом способен осознать связь звучания и значения языковых единиц, языковая единица может быть полностью либо частично мотивирована, у языковых единиц есть мотивационная форма и мотивационное значение, ВФ вычленяется в метатекстах, в речи носителей языков, актуализирующих данные языковых единиц в речи [Юрина, 2005. С. 22.].

Характерно, что данное понимание внутренней формы применимо как к отдельным лексическим единицам, так и к фразеологическим оборотам. Но применительно к фразеологизмам иногда бывает невозможно определить связь звучания и значения, в этом случае они являются немотивированными [Юрина, 2005. С. 25.].

Образными не являются слова, утратившие мотивацию на данном этапе существования языка [Юрина, 2005. С. 32.].

Начиная разговор о метафоре и мифе в своей работе, Скляревская Г.Н. [Скляревская, 1993. С. 21] говорит об исследовании С.Д. Кацнельсона племени аранта, заключающемся в том, что язык на архаической стадии развития также является метафоричным, но это метафоричность иного порядка. На миф по отношению к реальности есть две точки зрения, по одной из которых, миф – это просто фантазия, по второй – отражение действительности на определенном уровне ее восприятия. В пользу того, что миф является отражением реальности, говорит тот факт, что мифологическая терминология используется на данный момент в научном дискурсе.

Гносеологическая роль метафор подтверждалась в работах А.А. Потевни и Я.Э. Голосовкера, а также Ф. Кликса, изучавшего мифологическое мышление в аспекте причинно-следственных связей, рационального отражения реальности и построения классификационных систем.

Люди и тогда уже прекрасно умели простраивать логические связи, но из-за недостатка знаний об окружающем мире их выводы были весьма поверхностными. Классификационные системы, предложенные мифологическим сознанием на ранних этапах развития сознания в дальнейшем были только преобразованы, а не отвергнуты.

Со словом появляется понятие, которое несет в себе обобщение. Из чего можно сделать вывод, что мифологическое сознание было связано с анализом, синтезом, абстракцией и прочими логическими процессами. Мы до сих пор используем ложные архаические понятия в современном языке *солнце встало/село, громоотвод* и пр. Существуют также «имена с нулевым денотатом», которые по сути нельзя считать ложными (*домовой, кикимора, леший* и пр.). Появление слов приводит к когнитивному расчленению реальности (что говорит о различии материала, а не сути мышления).

Антропоцентрическая ЯМ указывает на признак и дает при этом характеристику человеку в плане внешности, психических свойств, особенностей поведения и положения в социуме, при этом превалирует наличие пейоративной (несущей отрицательную оценку) над мелиоративной и нейтральной, из которых последняя гораздо менее малочисленна, чем первая и вторая. По предположению Склярёвской Г.Н. это связано с тем, что если человека не называют своим именем, это скорее будет восприниматься как нечто отрицательное. Семантика ЯМ размыта, поэтому сложно отграничить одну рубрику от другой. Пейоративные характеристики, используемые в определенном контексте, могут быть даны словам, изначально не имеющим их.

Десемантизированная ЯМ имеет место, когда невозможно определить символ метафоры из-за сильно размытой семантики. Также частично ЯМ десемантизируется в случае устойчивого употребления ЯМ с определением (*старый козел, драная кошка, мокрая курица* и пр.)

Можно определить антонимические и синонимические отношения между ЯМ, в некоторых случаях наблюдается словообразовательная

деривация (*свинья – свиной, насвинячить*) и также полисемантика ЯМ. Однако антонимию сложно определить за недостатком основания, которое в данной работе дается как «групповая антонимия» (*крепкое телосложение – дуб/кряж*). Антонимов общеизвестных слов «добрый», «щедрый», «чистоплотный» и пр. представленных в виде ЯМ, гораздо больше, нежели ЯМ, являющихся синонимами этим словам. Обширный обзор семантического поля «вода», его системных связей и отношений языковых метафор в пределах этого поля.

ЯМ занимает свое место в лексико-семантической системе языка, пары денотатов, вовлечённые в процесс метафоризации, вступают в системные отношения. Совокупность метафорической лексики автор предлагает назвать метафорическим фондом языка.

Арутюнова Н.Д. отмечает [Арутюнова, 1999. С. 371.], что вышедшее из филологии (риторика, стилистика, литературная критика) изучение метафоры перешло на мышление, познание, сознание и даже моделирование искусственного интеллекта, и метафора крепче, чем раньше, стала связанной с логикой, а также мифологией. Использование метафор в разного рода текстах (поэтических и публицистических и заканчивая научными текстами) росло, и это привлекало все больше интереса к метафорам и стимулировало их изучение в различных сферах, будь то детская речь, дидактическая литература, язык СМИ, заголовки, спорт, и даже язык глухонемых. Но важна и интересна не столько ее эстетическая ценность, сколько ее практичность в обогащение понимания друг друга, знаний и языка. Возникшее мнение, что метафора существует повсеместно привело к размытию границ ее концепта.

Метафора не используется в текстах телеграмм, деловом дискурсе разного рода, поскольку это требует четких и ясных формулировок, которые бы не допускали неоднозначных трактовок. Она не выполняет прескриптивные и комиссивные функции речи, но осуществляет эмоциональное воздействие на адресата. Интуитивное чувство сходства отражается произвольно в повседневной речи людей, когда используется

для идентификации объектов, сходство между качеством признаков предметов из разных сфер (теплый воздух, теплый тон), и при установлении общности между конкретными и абстрактными понятиями (время течет, вода течет, мысли текут и пр.). В повседневной речи метафора очень быстро стирается и входит в словарный состав языка. Но метафора плохо выполняет роли как предиката, так и субъекта в предложении, что важно для повседневной речи. Она нужна в практической речи как техника ее обновления (описание внутреннего мира человека, широкое использование глаголов движения и пр.). В повседневной речи чаще всего используются стертые метафоры..

На протяжении времени отношение к метафоре в научном языке менялось, однако преобладало мнение, что в научном дискурсе метафоры неприемлемы, как противопоставление строгого знания мифам и религии. Однако другими учеными метафора воспринималась, как еще один способ передачи мысли, отличный от использования слов в их прямом значении (например, Ницше, Х. Ортега-и-Гассет, Э. Кассирер). С начавшимся изучением метафоры стало понятно, что она формирует представления об объекте, и предоставляет способ и стиль мышления о нем. Метафору стали изучать не только этнографы и культурологи. Метафора не подходит для использования по многим параметрам в практическом и научном дискурсах, однако ею пользуются в быту и науке. Она хорошо выполняет экспрессивно-эмоциональную функцию речи, улавливает и создает сходство между разными индивидами и классами объектов. Метафора дает толчок семантическому процессу и рождает понятие.

Связь метафоры и художественного дискурса заключается в том, что творчество поэтов часто описывается через используемые ими метафоры. Поэту нужен отклик, ответ, а не просто ведение диалога. Поэтому так часто используется риторическое обращение к адресату, и настолько характерно использование утверждений, следующих за «да», и отрицаний-противопоставлений, следующих за «нет» в начале стихотворений, строф

и/или строк. Обыденное видение мира в поэзии противопоставляется необычному, скрытой сущности предметов, делается сознательная ошибка в таксономии объектов.

Метафора балансирует между «ложью» – восприятием тех или иных объектов, как их видит говорящий, и «правдой» – чем этот объект является на самом деле. Сокращенное в метафорах может восстанавливаться самим автором *«это чертенок какой-то, а не ребенок»*. И в метафорах можно видеть, как сравнение, так и противопоставление, что говорит о том, что метафора, как бы отказывается от привычной и логичной таксономии и предлагает новую, при этом сама же вновь отвергая ее вновь. Как происходит в случае в субстантивной метафорой, называя ребенка «обезьянкой», человек не стремится включить его в данный класс животных и расширить его, а указывает на некоторые черты, характерные для ребенка, что делает его похожим на обезьянку. Поэтому понимание метафоры заключается в том, чтобы вычленив правду из «лжи». Характеризация множественна, а метафора максимально соблюдает принцип идентичности, выводит наружу саму сущность предмета, она всеобъемлюща и не нуждается в дополнении.

Чем дальше разряды сравниваемых объектов, тем более яркой будет метафора. Поэтому для метафоры характерно установление достаточно далеких связей, и эти связи являются случайными, поскольку они определены опытом и сознанием автора метафоры. Однако метафора всегда должна быть образной, иначе теряется сама ее суть.

Метафора близка поэтическому дискурсу следующими чертами:

1. слияние образа и смысла
2. контраст с тривиальной таксономией объектов
3. категориальный сдвиг
4. актуализация «случайных связей»
5. несвободность в буквальной перифразе
6. синтетичность, диффузность значения
7. допущение разных интерпретаций

8. отсутствие и необязательность мотивации
9. апелляция к воображению, а не к знанию
10. выбор кратчайшего пути к сущности объекта

Метафора апеллирует к фантазии и воображению и в других видах искусства, однако в данном случае изобразительная метафора лишена двусубъектности, который не будет существовать самостоятельно, вне произведения.

По словам Арутюновой Н.Д., метафоры помогают понять, каким именно образом человек думает о том или ином объекте или даже сфере жизни в целом. Например, мыслительная деятельность человека является весьма подвижной и активной сферой (*мысли бегут, мчатся*), она может двигаться вперед и назад, также существует в разных пространствах (*мысль пришла в голову, ход мысли*). То есть метафора в терминах физического мира обозначает мир нефизический.

Также в работе проводится анализ различных слов, используемых для обозначения чувств, и определяется сферу-источник для них и методы переноса. Этим мы и занимаемся в процессе составления словаря перед формированием словарной статьи. [Приложение, С.102.]

Одна из последних по времени работ «Этнолингвистика: учебник для академического бакалавриата» Перехвальской Е.В. во второй главе рассказывает о связи языка и мышления.

Точки зрения на роль языка в мышлении очень разные: начиная тем, что человек думает на языке, и заканчивая тем, что язык только оформляет готовую мысль, никак не относясь к мышлению. Перехвальская Е.В. озвучивает точку зрения Льва Успенского о том, что мышление на языке является внутренней речью и проговариванием про себя, следовательно человек думает именно на том, языке, на котором он говорит, или который является его родным (если другой язык не был им усвоен до степени билингвизма). Но все же он не отождествляет мысль и высказывание. Другая точка, которую она также озвучила, принадлежит Стивену Пинкер, и она

заключается в том, что язык лишь помогает выразить свои мысли, поскольку часто бывает так, что мы хотим выразить какую-то мысль, но оказывается, что не так подобрали слова, или написали не совсем то, что хотели, то есть, он не отождествляет мышление и язык, хотя не отрицает использование языка в мышлении.

Перехвальская Е.В. обозначает мышление как «способность мыслить, ставить цели и находить пути их достижения, творить, рассуждать, делать умозаключения, т.е. мышление ведет к осознанию и пониманию действительности, выступает основой целенаправленной деятельности» [Перехвальская, 2016. С. 41.]. Оно является частью сознания (как и чувства, эмоции, желания, волеизъявления, оценки и восприятия). Сознание предполагает наличие логического мышления. А мышление может происходить без языка (медведь, упустивший тюленя, для тренировки прыгает несколько раз на то место, где тот лежал). Также она выражает мысль, что человеку свойственно образное мышление, поскольку художник, например, не использует слова, а видит и воплощает образы, что отличается от образного мышления, которое изучаем мы. Аналогичным образом не нужны слова в математике. Моторно-практическое мышление – действия водителя за рулем. Этим и вероятно образным мышлением обладают также высшие животные. В мышлении на более сложные же темы, человек пользуется языковым представлением, то есть он мыслит на языке, но мысли эти являются неполными и обрывочными, пока не воплощены в высказывании.

С помощью метафоры люди постигают абстрактные понятия и оперируют ими, следовательно метафора относится к мышлению. Думая о чем-то абстрактном мы используем конкретные образы – эта мысленная связь конкретных и абстрактных областей и есть концептуальная метафора.

Метафоры, лежащие на основе мышления являются базовыми метафорами, они обычно не осознаются людьми, и используются без каких-

либо усилий. Метафора времени. Метафора контейнера: человек как контейнер эмоций – горячая любовь, ледящий страх, чувства переполняют.

Перехвальская Е.В. указывает, что тропы являются средствами повышения образности и выразительности речи. Выделяет метафору и метонимию, как средства, которые не всегда используются именно с целью украсить свою речь. Метафора и метонимия лежат в основе полисемии, с помощью их используются переносные значения. Ими можно говорить о предметах и явлениях, названия которых еще нет в языке, с их помощью язык обозначает новое (эвристическая функция языка).

Говоря о метафоре и метафорическом выражении обычно говорят о художественной литературе и поэзии. «Телега жизни» пример метафорического смысла всего произведения. Мы активно используем метафоры и в нашей повседневной жизни «солнце село/встало», « часы идут», «время не ждет» «ножка стола», «горлышко бутылки» «вьюга воет», «дождь идет» и пр. Это не авторские, а языковые метафоры, такая метафора объективна и воспроизводима. Однако, авторская метафора тоже подвергается определенной систематизации, иначе бы ее невозможно было понять.

Метафора – «процесс, в ходе которого один домен опыта осмысливается в терминах другого домена» [Перехвальская, 2016. С. 264.]. Где домен – это сферы физического и социального опыта людей. В нашей работе мы их называем сферами. Домен-источник и целевой домен, в который идет перенос – называются сферой-источником и сферой-мишенью соответственно. Жизнь ← дорога, знак равенства показывает связь по сходству, а стрелка направление переноса из сферы-источника в сферу-мишень.

Автор проводит разбор концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, поскольку с них началось исследование метафоры в когнитивной лингвистике. Разбирает примеры того, как сферы-источники и сферы-мишени не всегда полностью совпадают.

Метафоры не одинаковы в разных языках. В любом языке есть метафоры олицетворения/персонификации: *нога горы, ножка стола*. Это не олицетворение, а антропоморфизм. Системные метафоры в одних языках могут являться не системными в других. Ориентационные/пространственные метафоры: *цены поднялись, температура упала, Лермонтов мне близок*.

Особым типом метафор являются метафоры сравнения. Сравнение Собакевича с медведем по признаку неуклюжести и большого роста и комплекции. Качества, свойственные человеку, приписываются животному, а потом перенос идет вновь на человека. Это «животные-ярлыки». Не всегда отражаются реальные биологические особенности: *осел – упрямый, ишак – тяжело работающий*.

Автор выделяет базовые и производные метафоры, где базовые метафоры определяют способ мышления человека о мире, а производные метафоры являются языковым или художественным воплощением базовых метафор (радость \Leftarrow яркое освещение – Его солнечная улыбка озарила комнату.).

Метафора может быть комплексной: государство \Leftarrow корабль: президент \Leftarrow капитан, управлять страной \Leftarrow вести корабль, неблагоприятные события в экономике и политике \Leftarrow шторм на море и пр. В этом заключается принцип инвариантности.

Метафора может устареть, если устаревает или выходит из употребления сфера-источник.

1.3. Роль образных средств языка в формировании национальной картины мира.

В общем, под картиной мира понимается упорядоченная совокупность всех представлений индивида или определенного коллектива о действительности. При этом она бывает непосредственной и опосредованной, где непосредственная – это то, что индивид наблюдает самостоятельно, и получает собственные знания о действительности. Она

может быть чувственной и рациональной, идеалистической и материалистической, эмпирической и теоретической, метафизической и диалектической, естественно-научной и религиозной, «наивной» и научной, и пр. Определенная картина мира может доминировать над сознанием коллектива в течение достаточного длительного периода времени, а также сосуществовать с другими картинами мира. Непосредственная картина мира связана с мировоззрением, но отличается от него тем, что представляет собой только содержательное знание, и является результатом познания действительности, что делает ее когнитивной картиной мира. Национальная когнитивная картина мира объединяет упорядоченные представления о мире всех носителей определенного языка, проявляет себя в однообразном поведении носителей одной культуры и языка, в стереотипных представлениях о чем-либо, общих принципах и правилах коммуникации, а также на языковом уровне в поговорках, пословицах и афоризмах. Таким образом, когнитивная картина мира – это совокупность представлений и стереотипов о действительности, которые заложены в индивидах культурой.

Опосредованная картина мира – это результат фиксирования концептов существующих в сознании индивидов вторичными знаковыми системами. Такими картинами мира являются языковая и художественная. Она близка когнитивной картине мира, но их отличие от нее состоит в том, что при анализе явлений опосредованной картины мира можно выявить только ограниченное число концептов, которые нашли отражение в исследуемом материале. Также данная картина мира не влияет на поведение человека непосредственно в его поведенческо-мыслительной деятельности, поскольку связь между картиной мира и восприятием мира зависит не от языка, а от системы когнитивных образов существующих в сознании индивидов. Язык при этом только отражает когнитивное членение действительности. Но при этом именно языковая картина мира создается следующими явлениями языка (классификация, представленная в статье [Нгуен, 2001.]):

1. номинативными средствами языка - лексемами, фразеологизмами, устойчивыми номинациями, которые фиксируют то или иное членение и классификацию объектов национальной действительности, а также значимым отсутствием номинативных единиц (существование различного рода лакун)

2. функциональными средствами языка - отбором лексики и фразеологии для общения, составом наиболее частотных, то есть коммуникативно релевантных языковых средств народа на фоне всего корпуса языковых единиц языковой системы;

3. образными средствами языка - национально-специфической образностью, метафорикой, направлениями развития переносных значений, внутренней формой языковых единиц;

4. фоносемантикой языка;

5. дискурсивными средствами (механизмами) языка - специфическими средствами и стратегиями текстопостроения, аргументации, ведения спора, диалога, построения монологических текстов, особенностями стратегий и тактик коммуникативного поведения народа в стандартных коммуникативных ситуациях, приемами построения текстов разных жанров (например, афоризмов, анекдотов, рекламы и т.д.);

6. стратегиями оценки и интерпретации языковых высказываний, дискурсов, текстов разных жанров, критериями оценки их как образцовых или не образцовых, убедительных и неубедительных, удачных или неудачных и т.д.

Художественная картина мира аналогична языковой, она возникает у индивида при чтении какого-либо художественного произведения. Она создается языковыми, в том числе образными, средствами, и отражает при этом как общекультурную, так и индивидуальную картину мира писателя, что выражается в отборе им определенных языковых средств, увеличении или понижении числа определенных языковых единиц, а также в собственном подходе в выборе средств художественной выразительности.

Важным моментом всегда является менталитет людей, тесно связанный с концептосферой народа. Часто мы можем наблюдать его проявление на языковом уровне, например, коллективизм русского человека воспринимает человека чем-то отличающегося и выделяющегося как нечто негативное, «белую ворону», а также во многих учебниках и пособиях по русскому языку идет объяснение и толкования с чисто культурологической точки зрения «загадочного» понятия русского «авось».

В уже ранее рассмотренной нами работе З. Кёвечеш указывает, что связь метафоры с культурой прослеживается в следующем: на уроках литературы, используется поэтами и писателями, и как украшения языка. Метафоры основаны на телесном опыте людей: объятия, которые нам дарили в детстве родители, выражая любовь, давали также ощущение тепла тела, поэтому *теплый* и *теплое отношение/теплый прием*. Это универсальный опыт, ведущий к рождению универсальных метафор. Но есть и не универсальные метафоры в большом количестве: например злость – вода или газ во многих культурах, но в языке зулу – «объекты сердца». К чувство близости – тепло, еще добавляются причины – это силы (*you»re driving me crazy*), события – это движение (*»what»s going on here?*), прогресс – это движение вперед (*we haven»t made any headway*), цели – это место назначения (*she»s reached her goal*), трудности – это препятствия (*let»s try to get around this problem*).

Если говорить о метафорах в теле, мозге и сознании, то по его словам могут существовать альтернативные концептуализации: *intensity is heat (heated debate)*, *intensity is quantity (I care a lot)*, *intensity is speed (a sluggish economy)*, *intensity is strength (the country was hit hard by the flood)*. Также существуют универсальные метафоры (поскольку люди физиологически одинаковые и опыт получают близкий), но большое число метафор особенно в сравнении культур все же не универсальны. Также он говорит о таком явлении, как конгруэнтная (совпадающая) метафора, что является важным моментом для нашей работы, поскольку объяснение метафоры изучающим

гораздо проще, если у них в языке имеются аналогичные образы: *злой человек - контейнер под давлением* (Он взорвался), в японском контейнером является «*hara*» живот, в китайском это энергия ци, то есть газ, а в языке зулу: злость – это сердце, и давление возникает, когда оно переполняется. В китайском *счастье – это верх, свет, жидкость в контейнере*, а еще *цветы в сердце*. Венгры и американцы, согласно опросу, проведенному автором, видят концепт *жизни*, как *драгоценности и приключения, игры* и как *сражения и битвы* у венгров. Уникальные метафоры рассматривает как уникальные явления в целевом домене и домене-источнике.

Интересный взгляд на отношение культуры и образности дает сборник под редакцией В.Н. Телия «Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках» [Телия, 2004.], представляющий собой работы нескольких авторов, некоторые из которых мы рассмотрим подробнее.

Телия В.Н. в своей работе «Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка» говорит о том, что субъекты языка как субъекты культуры имеют способность воплощать в речемыслительной деятельности знания, принадлежащие этой сфере осознания человеком. Лингвокультурологическим аспектом работы является выявление и описание соотношения между языком культуры и семантикой фразеологизмов. Многие фразеологизмы культурно мотивированы и объяснены с точки зрения истории и поверий народа (*выносить сор из избы*, негативное, приобретает положительную коннотацию с частицей «не»), культурно-языковой компетенцией считается умение носителей языка выражать идеи о мире средствами языка на основании языковой компетенции, основной для которой является знание культуры.

Шаховский В.И. в работе «Эмотивность фразеологии как культурный компонент» говорит об активной лингвистике (лингвистика эмоций). Аффективная культура языкового общества, эмоциональная компетенция человека, эмоциональные смыслы, лексические и фразеологические средства

при внутрикультурном и межкультурном общении. Эмотивность пронизывает все существование человека и может присутствовать практически в любом предмете, как инвариантное эмоциональное смысловое поле. Сложность определения межкультурной коммуникации. Вывод, что МКК – это общение двух индивидов, один из которых имеет культурное отличие от другого. Происходить это может внутри одного и разных языковых сообществ. По эмотивности и в принципе лакунарными для разных культур структурами могут быть и лексика, и особенно фразеология. При возникновении разных ассоциаций вероятно существует разная эмотивная окраска.

Опарина Е.О. («Установка культуры и диапазон метафоризации: К вопросу о мотивах образной концептуализации») рассказывает нам об «установке культуры» (пошло от В.Н. Телия) как ментальных образцах для поведения в социуме и в духовных практиках, осознании человека себя в «я-ты-он» соотношении. В языке они чаще всего не выдают своего языкового выражения, как мифологемы (пить кровь – мифологема вампира, адовы муки – архетип ада, как архетипическая оппозиция «верх»-»низ») и архетипы. Установка, например, *harpy end* как понимание американской культуры о том, что добро «хорошие парни» должны побеждать зло «плохих парней». Устойчивые словосочетания и идиомы – концептуализация понятий через метафоры, интерпретирующиеся в терминах «тектоника-атектоника» установки. Значит, что установка (чувственно-наглядный образ стабильности/нестабильности) переходит в культурные концепты. В частности «легкий-тяжелый», «устойчивый – излишне динамичный»: твердо стоит на ногах, самостоятельный, выбить почву из-под ног. Во фразеологических единицах, обозначающих эмоции, действует атектоника: выводить из равновесия, вскружить голову, голова закружилась, его несло и пр.

Маслова В.А. пишет о близкой теме метафоры фразеологии в работе «Культурно-национальная специфика русской фразеологии». В большинстве

фразеологизмов есть следы национальной культуры. «денотат ... является носителем культурной информации»¹ Для понимания доброй части фразеологизмов нужно знать историю и культуру: *щи лаптем хлебать, носиться как с писаной торбой, мамаево побоище, коломенская верста*, и т.д. Фразеологизмы отображают типовые ситуации культуры. Культурные образы отбираются и лежат в эталонах, символах, стереотипах, и потом воскрешаются в коннотациях. Не все ФЕ являются носителями культурной информации. Часто образные основания не совпадают у фразеологизмов в разных культурах, и это можно отчасти назвать культурно-национальной спецификой. Культурная информация лежит во внутренней форме ФЕ, которая как образное представление о мире придает фразеологизму национально-культурный колорит. Многие ФЕ связаны с мифологемами (то, что человеком забыто, но хранится в глубинах слова и сознания) и архетипами. Культурные коннотации, закрепленные за ФЕ и метафорами, сами становятся знанием или источником когнитивного освоения. Фразеология формирует элементы и черты культурно-национального миропонимания. Самое главное – вскрыть эту культурно-национальную коннотацию.

В своей работе «Механизмы культурной интерпретации образного основания идиом: Результаты направленного ассоциативного эксперимента» Кабакова С.В. говорит, что система образов, закрепленных во фразеологическом составе языка, связана с материальной, социальной и духовной культурой народа, а значит, они отражают национально-культурную специфику языка. Культурные компоненты могут содержаться в идиомах напрямую: «лезть на рожон, мамаево побоище», и могут и опосредованно – через соответствие одной корневой метафоре: *у черта на куличиках, куда Макар телят не гонял* – как отношение к корневой метафоре «пути», как дальнего и опасного, никому неизвестного. Базовая метафора

¹ Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках» сборник под редакцией В.Н. Телия. – С.71.

является посредником между языковой и культурной компетенцией носителей языка. Некоторые идиомы являются архетипическими, то есть носящие первообразы. Именно они сохраняют культурный опыт и мировоззрение народа: *мутить воду* (чистый – грязный), *идти в гору* (верх – низ), *у черта на болоте* (нечисть живет в болотах), *нести крест*, *испить чашу* (религиозные). Также обрядовые (*кровь заговорила*, *руки не доходят*, *сердце надрывается* и пр.), соматические (*с глаза на глаз*, *точить зубы*), зооморфизм поведения и личностных качеств человека (*белая ворона*, *подрезать крылья* и пр.). Опыт выявляющий, что прямое понимание образа является доступом к культурному коду.

Зимин В.И. и Пак Сон Гу (Республика Корея) в работе «О национально-культурных особенностях устойчивых сравнений» также говорят об устойчивых выражениях и фразеологических единицах, которые всегда дают богатые сведения о культуре и менталитете народа и особенности устойчивых сравнений. Авторы статьи не считают это ни тропом, как метафора, метонимия, гипербола, литота и олицетворение, ни фигурой. Используется автология, т.е. использование слова в его прямом значении, но при этом образность все равно сохраняется. Однако (*грязный как свинья*, *хитрый как лис*) слова сами по себе имеют характеристики человека, не имеющиеся у самого животного, и не отображенное в словаре. Коннотация дана самим человеком. Кроме денотативного в слове еще есть эмпирическое значение. Эмпирический компонент подсознательно всегда учитывается человеком, если слово употребляется всего лишь в его денотативном значении. Образность определяет эмоциональное отношение в объекту речи. Коммуникативная цель использования образных выражений достигает цели только тогда, когда реципиент адекватно воспринимает образы именно этой культуры и языка. Важно учитывать различие даже среди животных, несущее разные характеристики и черты человека в культурах. Оно может быть мотивировано природными условиями и культурными реалиями. Сравнение идет с предметами природы: худой как

щепка, предметами быта (одежда постройки и пр): белый как полотно, *бледный как смерть*, наименование животных самое используемое (*тараторит как сорока*). Характеристики животного на присвоение ему тех или иных качеств влияют, но еще значительное влияние идет от культуры, имена собственные, объясняемые исторически: *ревнивый как Отелло*. Исторический характер не столь активен. Прекрасное (красивое, хорошее и пр.) *ангел, аполлон, нимфа, фея, богиня, королева, херувим* и пр. Глупый – (фр) *лягушка, копченая селедка, луна*. Толстый (большой, крупный) – (фр) *бочка, бык, корова, слон, башня*. Эталоны реального мира по-разному отражаются в разных языках и социумах.

Работа Степановой О.В. «Роль метафоры в создании языковой картины мира арготирующих (на материале французского языка)» нам интересна, потому что говорит об иностранном языке в контексте образной метафорики. Арго имеет в поле зрения человека, воздействие на объект, выделение чего-либо вовне, поглощение чего-либо вовнутрь. Фразеологизмы, мнимое самоуничижение, перифразы (но не имеющие целью сказать о чем-то корректнее), ирония как защитный рефлекс и способ осмысления действительности, оксюморон. Арго использует базовый механизм общенациональной метафоры – то есть использование уже имеющегося слова для обозначения чего-то иного или нового. Двуслойная метафора: (фр.) быть сумасшедшим → *иметь таракана в капусте* → *капуст* = *голова* – два образа словно замыкают культуру, делая ее недоступной для других. Герметическая метафора – часто характерна для арго, когда фраза создается из слов арго (испытать страх – *наделать в штаны*), фраза создает образ не по частям каждым словом являющимся метафорой, а в целом.

Работа Перехвальской Е.В. «Этнолингвистика: учебник для академического бакалавриата» [Перехвальская, 2016. С. 37.] предлагает рассматривать язык как специфичную и автономную часть культуры. Язык – это продукт, средство и условие существования культуры, потому что через него идет формирование мыслей и передаются мысли другим людям.

Согласно идеям ортодоксального генеративизма, способность к языку, или скорее способность человека воспринимать культуру, является врожденной.

Традиционно считается, что язык отражает культуру. То есть, в языке будет отражено то, что для данной культуры наиболее характерно. Например, на уровне лексики, если народ занимается охотой, то будет много слов, которые связаны с этим ремеслом: способы охоты, орудия охоты, условные знаки, возможно, отражение в языке лексически животных разного вида, возраста, пола, способы приготовления блюд и прочее. В плане синтаксиса на бытовом уровне потребность в сложных и конструкциях почти отсутствует. Это требуется при переходе к письму, с развитием науки, литературы и культуры в целом. Для ребенка помимо усвоения моделей поведения, основная часть знаний о культуре и окружающем мире закладывается с усвоением языка. В данном случае функция языка является миромоделирующей. Причем есть отличия в передаче культуры через язык, которое происходит при воспроизведении фольклора, рассказов, поучений и прочего, и ее восприятием, которое происходит эксплицитно. Каналы информации при этом могут противоречить друг другу (арбуз ягода, но на просьбу купить ягоды, его маловероятно кто-то купит).

Воздействие языка на культуру является неосознанным. Для человека эти представления, полученные через язык, более чем естественны и неоспоримы, и только при изучении другого языка он замечает относительность этих знаний.

В данной работе и работе над учебником нам будут важны как языковая, так и художественная картина мира, через которые и будет совершаться знакомство учащихся с первичной картиной мира носителей русского языка.

Глава 2. Образные средства языка как лингводидактический объект в методике РКИ.

В своей монографии «Вкусные метафоры: пищевая традиция в зеркале языковых образов» Е.А. Юрина определяет языковые метафоры как «семантически мотивированные лексические единицы с переносным метафорическим либо метафоризированным метонимическим значением» [Юрина, 2013. С. 23.]. В монографии [Юрина, 2005. С. 35.] к ним отнесены субстантивированные метафоры сферы человек (*барин, дубина, ворона* и пр.), наименование неодушевленных предметов и явлений (*каша, кисель, калейдоскоп*), образы большого и малого количества (*гора, море, кроха* и пр.), признаковые метафоры, основанные на синестезии (переносе качества одной модальности в другую модальность) (*жидкий звук, сладкая речь, мягкий человек* и пр.), признаковые отсубстантивные метафоры, выражающие качество по его носителю (*золотые руки, масляный голос, радужные мысли* и пр.), глагольные метафоры (*влепить* в значении «ударить», *жарить* - «делать что-либо интенсивно», *надуться* - «обидеться» и пр.).

Там же дается определение для собственно образных слов как «морфологически мотивированных лексических единиц с метафорической внутренней формой. Семантическая двуплановость характеризует здесь лексему в целом, а не один из ее лексико-семантических вариантов» [Юрина, 2013. С. 23.]. Они используются для обозначения

1. человека (*вертихвостка, зубоскал, подлиза*, и пр.),
2. животных (*проволочник, утконос*, и пр.),
3. растений (*гвоздика, кувшинка*),
4. артефактов и натурфактов (*глазунья, небоскрёб*),
5. образных наименований различных явлений (*головомойка, головоломка, загвоздка, смятение* и пр.),

б. качеств и свойств (бесхребетный, бессердечный, головастый, молниеносный, и пр.); процессов (укорениться, внедриться, звереть, окрылить, и пр.)

Речевая метафора – это контекстно обусловленная метафора, которая используется в речи, но не носит системный характер, не является устойчивой. Авторская метафора является разновидностью речевой метафоры и при этом выполняет эстетическую функцию в художественной речи [Лиходкина, 2016.]. Под фразеологическими единицами понимаются все устойчивые по форме и значению языковые явления с метафорическим типом семантики: идиомы, пословицы, поговорки, крылатые выражения [Вардзелашвили, 2002.].

2.1. Проблема создания лексического минимума для освоения иностранными студентами русской метафоры.

Как мы видели в теоретической части этой работы, одной из проблем при создании словаря является необходимость выделения метафор, которые будут использоваться в качестве материала. Многие из рассмотренных нами авторов, включают метафору в одну категорию и исключают ее из другой, разделяют разные типы метафоры, и указывают на сложность классификации одних и относительную простоту классификации других метафор. В нашей работе не будет четкого разделения метафор, как говорилось выше, с тем, чтобы вывести какие-то из использованных в тексте метафор из работы. Все встреченные в тексте упражнений метафоры должны поддаваться классификации и характеризованию, потому что задача этого пособия и словаря состоит в том, чтобы обучить студентов искать, идентифицировать пытаться трактовать метафоры самостоятельно. Исключение каких-то метафорических единиц может привести к тому, что в знаниях могут появиться пробелы, чего по возможности должен избегать преподаватель.

Нацеленное в частности на китайских студентов, преподавание им фразеологических единиц представляет большую трудность ввиду того, что

метафорический язык китайского и русского почти не совпадают в отличие от русского и многих европейских языков, поэтому одной из наших задач является создание словаря достаточно точного и легкого в понимании, чтобы в значительной степени различающийся метафорический язык был как можно более понятен для учащихся.

Образную лексику сложно преподавать, если мы будем брать более литературный уровень языка, нужно принимать во внимание, что в словаре и в учебнике как таковом будет много авторских метафор, которые, как, мы видели, уже указывали авторы исследований, на которые мы опирались, сложны не только для иностранцев, но часто непонятны и сложны для интерпретации даже носителям языка.

Выбранный нами материал, однако, не должен вызывать большие трудности, потому что данные книги относятся к популярному жанру, и преимущественно являются женской прозой. Литература данного является метафорически насыщенной, но при этом не вызывает трудностей в вопросе понимания смысла, поскольку орудует общечеловеческими темами, и таким образом является лучшим выбором для нас.

Метафорический язык, как отмечала Скляревская Г.Н., с трудом поддается категоризации, и данная категоризация едва ли годна для выделения лексического минимума на занятиях.

Поэтому поставленная цель при определении лексического минимума сводится скорее к тому, чтобы определить то, какого типа метафоры будут выделены из текстов для дальнейшего использования при формировании на занятиях у студентов модели разворачивания метафорических моделей.

2.2. Проблема семантизации образных средств языка в учебных целях.

При отборе лексических единиц используется метод сплошной выборки. Затем анализируются представленные в их семантике

метафорические модели и значения, которые появлялись в ходе метафоризации.

Дальше идет отбор отрывков для уроков. Критериями для отбора являются:

1. Их насыщенность метафорическими единицами.
2. Отсутствие сложных для среднего уровня владения языком грамматических конструкций, а также диалектных и иноязычных (которыми изобилует произведение «На солнечной стороне улицы») слов и выражений. В дальнейшем производится адаптация этих текстов в учебных целях с сохранением образных единиц.

3. Отобранные единицы не должны быть слишком сложными для понимания, должны быть достаточно емкими и яркими.

4. Не должно быть проблем с пониманием языковых единиц.

5. Языковые единицы должны частично выходить на речь, то есть быть разговорно-ориентированными, поскольку многие учебники грешат слишком «литературным» языком, и в том числе и при преподавании метафор, и на выходе студенты используют метафоры, и особенно пословицы и поговорки в таком числе и контекстах, в которых носитель русского языка не станет и использовать.

При изучении метафорического языка следует учитывать следующие факторы: уровень владения языком у учащихся должен быть уже достаточно хорошим, чтобы не возникало проблем с простейшими языковыми единицами и грамматикой, поскольку это будет препятствовать эффективному усвоению материала. Частично метафоры могут быть уже знакомы студентам, поскольку они изучали язык, но здесь они будут рассматриваться с совершенно другой стороны. Также разница образного строя языков русского и того, на котором изначально говорит студент, может быть очень разной, и это тоже следует учитывать. Некоторые единицы могут быть сложны для интерпретации даже русскоговорящим, поэтому их предпочтительно не включать в материал для данного этапа изучения языка.

При этом преподаватель сам должен хорошо владеть образностью и быть культурологически подкованным, знать словари и прочие современные источники, к которым можно обратиться.

Одним из зарубежных авторов, предлагающих элементы когнитивной метафорической модели был З. Кёвечеш. Он заявляет о наличии у каждой метафоры «архисемы» - самой главной темы, например, *путешествие – это прогресс*, вне зависимости идет речь о любви или жизни. Это первичная метафора (*жизнь – это путешествие*), и она обычно наименее выразительная, чем любые члены комплексной метафоры. Образная схема – определенный телесный опыт, структурированный через постоянный повтор.

Также он выделяет следующие компоненты когнитивного лингвистического взгляда на метафору [Zoltán Kövecses, 2007. P. 5.]:

1. домен-источник
2. домен-цель
3. экспериментальная база: например, привязанность соотносится с теплом тела)
4. нейронные структуры, соответствующие домену-источнику и домену-цели в мозге
5. отношения между источником и целью: много источников для одной цели и много целей для одного источника)
6. метафорические лингвистические выражения: лингвистические выражения происходят от связи двух концептуальных доменов: *affection is warm => warm relationship*)
7. картография (комплексная метафора): перенос может идти на связанные с главной концептуальной парой явления – *love is a journey => travellers = lovers, vehicle = love relationship, destination = purpose of the relationship, distance covered = progress made in a relationship, obstacles along the way = difficulties encountered in the relationship*
8. импликации: домены источники часто дают идеи помимо основных соответствий. Если отношения это транспорт и, транспорт ломается, то мы

можем его оставить и добраться до места назначения как-то иначе (выйти из отношений), попытаться починить (работать над ними), остаться в транспорте и ничего не делать (оставить все, как есть, и страдать).

9. контаминации: объединение источника и цели часто заканчивается чем-то новым как для цели, так и для источника. «У него от злости из ушей пар шел», злой человек, и контейнер в виде его ушей, которые выпускают пар.

10. нелингвистические актуализации: метафоры могут реализоваться в реальной. в том числе физической, жизни: «центральный вопрос», как вопрос важный, переносится на то, что человек «центральной» на конференциях и социальных мероприятиях обычно занимает позицию в центре.

11. культурные/когнитивные модели: когнитивные модели стимулируют существование культурных моделей в обществе – культурная модель времени у нас является движущимся явлением «время бежит\течет» и пр.

Говоря о механизмах метафоризации, Арутюнова Н.Д. делает упор на понятие меры сходства. Метафора возникает только тогда, когда между сравниваемыми предметами разной природы большего различного, чем общего. Перенос внутри естественных родов обычно не является метафорой.

В построении метафоры участвуют четыре компонента: основной и вспомогательный субъекты метафоры и свойства каждого объекта. В разных типах метафоры эксплицируются разные ее компоненты. Предикатная метафора только имплицитно указывает вспомогательный субъект через признаковое слово. Например: «человек растаял в ночи» вспомогательный субъект «лед, снег» эксплицируется из значения признакового слова, которым выступает глагол «таять». В случае с образной (субстантивной) метафорой присутствует вспомогательный субъект, но отсутствуют его признаки, необходимые для определения метафорического значения.

Однако в обоих случаях признаки и свойства денотата вступают в конъюнктивные отношения с метафорическими признаками. Метафора берет

смыслы, логически не совместимые, и проводит между ними логические связи. Могут совпадать предметные референции субъектов, но иметь разные сферы применения («рубить с плеча» в обоих случаях деятелем является человек, класс людей, однако в первом случае сфера физической деятельности, а во второй сфера умственного труда).

В механизме метафоры участвуют основной и вспомогательный субъекты, являющиеся материальными сущностями либо представлениями и понятиями, и признаки предметов, являющиеся логическими и психологическими категориями (понятия, представления) либо лингвистическими категориями (значения слов).

Значение метафоры предоставляет признаки вспомогательного субъекта, то есть того, с чем сравнивается основной, определяемый объект. Цель метафоры состоит в выведении признаков основного субъекта, поэтому метафора создается путем приписывания основному субъекту свойств вспомогательного субъекта. Метафоры создаются уже на основе имеющихся об объектах сведений. Создание метафоры, которая противоречит общему знанию об этих объектах, не имеет смысла, и не будет понята.

Значение идентифицирующей лексики в метафорах неустойчиво и непостоянно. Но для понимания метафоры недостаточно значение слова и соотносимого с ним понятия, важно знание коннотационных значений слова, которые не принадлежат языку, а именно отношение людей к тем или иным объектам, опыт общения и взаимодействия с ними (страх перед волком, раздражение от общения с ослом и пр.). Если коннотации стандартизируются в картине мира народа, они, тем не менее, не становятся принадлежностью языковой семантики.

В метафоре происходит не просто «перенос значения», а результат взаимодействия объектов действительности и представлений, ассоциируемых со вспомогательным субъектом, при котором признаковые категории основного и вспомогательного субъекты могут в том числе и не совпадать. Основа для метафоры – это идеальное: эмоции, экстралингвистические

знания, житейский опыт носителей языка, случайные впечатления, наблюдения, утилитарные оценки.

Для исследования и анализа метафорических моделей в данной работе в основном были взяты за основу труды русского лингвиста А.В. Чудинова.

Книга «Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры» 2001 года посвящена исследованию закономерностей метафорического моделирования действительности в современном политическом дискурсе России. А.В. Чудинов как и прочие исследователи говорит, что когнитивная метафора – это ментальный процесс познания и восприятия мира, поскольку человек мыслит метафорами. Автор в своей работе опирается на когнитивную теорию метафоры и теорию регулярной многозначности, исследует функции политической метафоры, выявляет и описывает метафорические модели, дает их классификацию. Он вводит в теорию когнитивного исследования русской политической метафоры и описывает четыре сферы-источник в русском политическом дискурсе («Человек и природа», «Человек и общество», «Человек и результаты его труда», «Человек как центр мироздания»). Нам в меньшей степени интересуют более узкая по тематике политическая метафора, поэтому у Чудинова А.В. мы берем исключительно теоретические основания, не вдаваясь в особые подробности его фактических исследований и примеров.

В методику описания метафорической модели входит необходимость охарактеризовать семантические объединения (слова в первичных и вторичных значениях), типовой компонент семантики (основа для развития вторичных значений), семы первичного значения, реализующиеся в метафорическом значении, если это возможно.

Метафорическая модель — это существующая в сознании носителей языка связь между понятийными сферами, выраженная формулой: «X — это Y» (*спор – это война*) [Чудинов, 2003. С. 70.]. Метафорическая модель открыта, способна к безграничному развертыванию. Также можно определить типовые направления развертывания модели: тип, скорость и

среду перемещения, его пространственные ориентиры, факторы, способствующие и препятствующие ему, используемые транспортные средства и др., которые тоже могут находиться в системных отношениях, разветвляться. При систематизации метафорических моделей возникает проблема выбора основания для классификации и определения состава понятийных сфер источника и мишени [Чудинов, 2003. С. 75-76.].

Чудинов А.П. предлагает следующие **свойства для описания метафорической модели:**

1. Иерархическое устройство;
2. Пересекаемость метафорических моделей;
3. Полевая структура метафорической модели(центр, ядро, приядерная зона, ближняя периферия, дальняя периферия);
4. Фреймово-слотовая организация метафорической модели;
5. Внутренняя организация концепта (семная структура слова при ее характеристике разными словарями);

А также **оппозиции для разделения метафорических моделей по типам:**

1. Продуктивность модели;
2. Частотность модели;
3. Доминантность модели (Доминантной следует считать модель, потенциал развертывания и частотность использования которой на данном этапе развития общества и языка значительно увеличиваются, что, конечно, привлекает внимание как специалистов, так и просто внимательных людей с хорошим лингвистическим чутьем.);
4. Эмотивная окраска модели.

При анализе современной политической речи для описания метафорической модели Чудинов А.П. предлагает давать характеристику следующим **признакам:**

- 1) **Исходная понятийная область** (ментальную сферу-источник, сферу-донор, источник метафорической экспансии);

2) **Новая понятийная область** (ментальную сферу-мишень, денотативную зону, реципиентную сферу, направление метафорической экспансии);

3) **Типовые для данной модели сценарии** (сценарий «война»: подготовку, объявление, ведение боевых действий с использованием разнообразного оружия, возможность ранения (с последующим лечением) и смерти участников боев, победу или поражение и т. п.);

4) **Относящиеся к данной модели фреймы** (фрагмент наивной языковой картины мира, например, сценарии);

5) **Составляющие каждый фрейм типовые слоты** (во фрейм «Вооружение» входят слоты, как «огнестрельное и холодное оружие», «боевая техника», «боеприпасы» и т. п.). Для обозначения слотов используется термин «концепт».

б) **Компонент, который связывает первичные и вторичные значения охватываемых данной моделью единиц** (основания для метафоризации).

Далее он предлагает определять ее продуктивность (способность к развертыванию и типовые направления развертывания) и частотность, выявлять прагматический потенциал (воздействие на адресата), отношение к сферам общения, речевым жанрам, социальным ситуациям и т. п.

Чудинов А.П. указывает следующие **функции** именно политической метафоры: **когнитивная**, **номинативная**, **коммуникативная** (передачи информации), **прагматическая** (воздействия на адресата), **изобразительная**, **инструментальная** (помогает мыслить), **гипотетическая** (помогает в представлении), **моделирующая** (создает модель мира), **эвфемистическая**, **популяризаторская** – которые характерны и для метафоры неполитической.

В качестве понятийных **сфер-источников** метафорической экспансии автор указывает: **антропоморфную метафору** (понятийным сферам «Анатомия и физиология», «Болезнь», «Секс», «Семья»), **метафору**

природы («Животный мир», «Мир растений»), **социальную метафору** («Преступность», «Война», «Театр (зрелищные искусства)», «Игра и спорт»), и **артефактную метафору** («Человек и природа», «Человек и общество», «Человек и результаты его труда», «Человек как центр мироздания»). В большом числе случаев источником метафор является обыденное восприятие мира.

«О типах сочетаемости метафорических моделей» [Баранов, 2003.] в своей работе писал также Баранов А.Н. В метафорической единице происходит выражение нескольких сразу метафорических моделей. К примеру, политическая метафора не обладает конвенционально стертыми метафорами, но в то же время эти метафоры не являются самыми образным и яркими с точки зрения стилистики. Отсюда идет проблема сочетаемости метафорических моделей. Необходимо соблюдать лингвистическую (лексическая и семантическая сочетаемость) и когнитивную (эффекты взаимодействия когнитивных структур) семантику и сочетаемость метафорических моделей. Теоретическое основание для типов сочетаемости Баранов А.Н. также берет у Дж. Лакоффа и М. Джонсона.

Наличествуют две структуры – когнитивная структура «источника» и когнитивная структура «цели», и в процессе метафоризации происходит «метафорическая проекция», при которой элементы сферы цели структурируются по образцу сферы источника. «Профилирование» - это то, чем автор называет высвечивание свойств источника в цели. Сфера источника и сфера цели не эквивалентны. Сфера источник – конкретна, знания о ней получены человеком из окружения, а сфера цели – менее ясная и конкретная.

Автор отвергает идею однонаправленности метафорической проекции. Знания в области источника представлены в виде «схем образцов» (взято из идей Дж. Лакоффа): таких как «вместилище», «путь», «баланс», «верх-низ», «перед-зад», «часть-целое». Концептуальные метафоры – по его интерпретации, это «устойчивые соответствия между областью источника и

областью цели, фиксированные в языковой и культурной традиции данного общества» [Баранов, 2003. С. 76]. (*время – деньги, спор – война, жизнь – путешествие* и пр.). Они могут образовывать более глобальные «когнитивные модели». В сложных метафорических моделях сложно определить метафорическую проекцию между элементами (война законов: солдаты – законы, законодатели, судьи? Законы – выстрелы? и т.д.). Другой случай – когда точного соответствия между элементами не существует (*политик – лиса Алиса*).

Сфера-источник – это сумма «сигнификативных» дескрипторов, то есть лексем русского языка без полисемии, омонимии и форм словоизменения. У каждой метафоры обычно несколько «сигнификативных» дескрипторов, упорядоченных от наименее абстрактного к более абстрактному, которые могут также отражать отношение «части-целого», что представляет собой «поле».

Тематические связанные поля сигнификативных дескрипторов являются теми самыми «метафорическими моделями». Дескрипторы, описывающие родственные отношения, формируют модель «Родственные отношения», «война», «организм» и т.д. При этом дескрипторы могут принадлежать разным метафорическим моделям: *бацилла* – «болезнь» и «фауна». Нет способа представлений когнитивных связей образов между собой. И самым простым способом Баранову А.Н. представляется тезаурусный. Схемы образов относительно независимы. Форма представления модели – «семантическое дерево тезаурусного типа».

Метафорическая модель связана больше с языковой формой представления знаний, чем схемы образов, которые могут и не вербализоваться, то есть они более когнитивны. Отсюда следует вывод, что схема образов возникает на основе физического взаимодействия человека и окружающего мира, но не социального опыта.

Баранов А.Н. вводит новое в исследование метафор «денотативное разнообразие», заключающееся в потенциале осмысления явлений,

базирующемся на том, насколько «когнитивно нагруженными» являются сигнификативные дескрипторы метафорической модели. И «денотативное разнообразие» можно выявить количественно, основываясь на том, сколько на один дескриптор приходится его реализаций.

Метафорическая модель характеризуется стабильностью денотативных отображений, которая характеризуется регулярностью отображаемых в пределах метафорической модели пар, количественно в соотношении более частотных пар к одиночным. Внутренняя сочетаемость метафорических моделей – это явление, когда метафорическое выражение является результатом одновременной проекции нескольких метафорических моделей – одиночная метафора. Внешняя сочетаемость – несколько метафорических проекций в одном контексте (*история несется галопом и дышит сарказмом*). Она неоднородна. Проекция дескрипторов метафорической модели внешней сочетаемости приходится на один внешний денотат. Метафоры могут быть не связаны по смыслу, но создавать общий образ: «это просто *мишень* для *акул пера*». Модель механизма наиболее часто сочетается с моделью персонификации и организма. Еще модели: болезни, инструмента, миража, погоды, природы, растения-дерева, родственных отношений.

В данном словаре мы не используем фреймы, дискурсивную характеристику модели и ее продуктивность, но нам важны обе сферы (сфера-источник и сферы-мишень), метафорического переноса, концепты, и признаки, по которым происходит метафорический перенос. Остальные пункты не несут для нас большой смысловой нагрузки при характеристике метафорических единиц в словарных статьях.

Телия Н.В. указывает, что экспрессивность и нейтральность зависят от того, в какой функции используется троп (куда она относит и метафору): индикативная (назывная), когнитивная, образная, эвалюативная. По ее наблюдениям [Телия, 1986. С. 80.], метафору все больше начинают рассматривать как формирование и вербализацию нового понятия, во время которого происходит осмысление свойств одного объекта через ассоциации

со свойствами чувственно воспринимаемого объекта. На примерах автор доказывает [Телия, 1986. С. 81.], что метафора создает новые концепты, таким образом отражая новые знания о мире – эмпирическое, теоретическое и художественное изучения реальности. То есть на примере метафоры можно наблюдать, как формируется в сознании и реализуется в языке мысль.

Телия Н.В. указывает на популярное в то время деление метафоры на когнитивную и образную (экспрессивную), что также было сделано в книге «Метафоры, которыми мы живем», где первая является в языке инструментом и результатом познания, выражая то, для чего изначально нет понятий, образная же дает более яркое зрительное впечатление об объекте, совмещая в себе логически несовместимое. Отсюда автор делает вывод, что эти метафоры отличаются по своей функциональности, нежели по «техническим причинам» [Телия, 1986. С. 84.].

Еще один тип метафоры по функциям – (эвалюативная) экспрессивно-оценочная, которую она отделяет от образной по тому принципу, что образная скорее эстетически- или экспрессивно-образная. Также определяет индикативную метафору (сходство важнее, чем тождество) – *ножка стола, коленная чашечка* и пр., когнитивную метафору (отождествляется подобное) – *память компьютера/память сердца/память человека* и пр., экспрессивно-образную метафору (подобие принимает вид тождества)– *солнце встало и горящим светом на кустах затрепетало* (Тютчев) и пр., экспрессивно-оценочную (подобие преобладает над тождеством, однако эта метафора оперирует сходством идеальным) – «Собакевич все время наступает на ноги – настоящий медведь» (это не образ, а указание на признак неуклюжести). В сравнении – экспрессивно-образная метафора почти не преобразуется в оценочные имена.

Согласно воззрениям Канта, человек всегда стремится свой чувственный опыт передать словами, описывающими окружающий их физический мир, при котором действует «принцип фиктивности». Из этого Телия В.Н. выводит [Телия, 1986. С. 87.], что в метафоре существует

основной и вспомогательный субъект и «принцип фиктивности», который помогает в осознании подобия. В метафоре «скупой – Плюшкин», слово «скупой» свободно от эмотивной и стилистической окраски, в то время, как «Плюшкин» является более ярким, вызывает ассоциации и создает негативный образ.

Маркер фиктивности формирует исключительно экспрессивно-оценочную метафору, поскольку в отличие от других типов метафоры у нее нет цели назвать, получить новое значение, создать новые образы мира или его части, а просто усиливает эмотивную оценку. Краткие формы прилагательных почти никогда не используются с принципом фиктивности, потому что они отражают временный, а не постоянный признак (*холодный прием – прием холоден*).

2.3. Презентация образных средств языка в формате учебника по РКИ.

Учебник, материалы для которого представлены в данной работе, будет включать введение, основную часть, разделенную на уроки, и словарь. Во введении представлен теоретический материал: вводится понятие метафоры, говорится о способах ее выражения в языке. Метафора может быть выражена не только в слове, содержащем в себе дополнительную коннотацию, но также в словосочетании или фразе, во фразеологизмах, пословицах и поговорках, которые зачастую несут в себе метафору. Образные средства языка представлены языковой метафорой (ЯМ), речевой метафорой (РМ), авторской метафорой (АМ), которая представляет собой разновидность речевой метафоры, фразеологические единицы (ФЕ), собственно образные слова (СО), а также сравнения.

Основная часть будет представлена серией уроков по изучению русской метафоры. В каждый урок будет включена система упражнений, предтекстовых, притекстовых и послетекстовых заданий, составленных к основному тексту урока, работа с которым предполагает изучающее чтение и

анализ метафорических единиц. Основной текст представляет собой адаптацию фрагментов романов современных представителей популярной женской прозы Дины Рубиной и Татьяны Соломатиной. Выбор авторов мотивирован высокой метафоричностью женской прозы, ее близостью к современной разговорной речи, высокой популярностью и признанием авторов в литературной среде.

Отбор метафорических единиц происходит методом сплошной выборки. Так же отбираются тексты, содержащие данные единицы в большом объеме и представляющие их в контексте. В дальнейшем отобранные тексты будут адаптированы и представлены в учебнике в качестве элементов уроков, к ним будут разработаны упражнения. Метафорические единицы подвергаются интерпретации, им дается семантическое толкование в соответствии с метафорическими моделями.

В результате работы по созданию словаря будет создан конкорданс образных слов и выражений, отобранных из произведений «На солнечной стороне улицы» Д. Рубиной [Рубина, 2012.] и «Акушер-ха!» Т. Соломатиной.

Третья часть учебника будет представлять собой словарь, в котором будет собран весь метафорический материал, использованный в текстах уроков, предложено толкование метафор и даны примеры контекстов. Материал будет расположен в виде двух списков. Первый тип словаря, представленного в учебнике будет содержать метафоры, расположенные в алфавитном порядке по главному слову, порождающему метафоричность. Вторая классификация будет произведена по тематическим группам (идеографический тип словаря). В собранном на данный момент материале больший процент (около 65%) составляют языковые метафоры и собственно образные слова. Далее по частотности идут речевые метафоры (а том числе авторские метафоры), их доля составляет около 20%, на фразеологические единицы и сравнения приходится 15%.

Глава 3. Лексикографическая презентация образных слов и выражений в учебном лингвокультурологическом словаре метафор.

В процессе создания словаря был произведен анализ словарей образного языка и фразеологизмов, на основе чего был выбран самый оптимальный для нас вариант оформления словаря и словарных статей. Также для анализа привлекались словари синонимов и антонимов, поскольку они являются одним из самых распространенных типов словарей, и также содержат базу для дальнейшей работы с оформлением метафорических единиц нашего словаря.

«Словарь синонимов русского языка» 2008 г., составленный Л. П. Алекторовой, Л. А. Введенской, В. И. Зиминым и др. во многом не является словарем, предназначенным для изучающих язык, он больше предназначен для носителей. Во введении даются краткие сведения о синонимах, типах, их использовании в речи и о синонимических словарях русского языка. Они указывают, что словари такого типа являются словарями особой категории. Так как в них толкуются два и более слова, связанные по звучанию и/или значению: синонимы, антонимы, омонимы, паронимы [Алекторова, 2008. С. 11.]. Там же дается история синонимических словарей.

Нам словарь интересен исключительно тем, что в нем, как и во многих толковых словарях дается толкование слов, которые могут использоваться как ЯМ. Они не определяются как метафоры, и не указаны в большом количестве, но в подобных словарях можно найти распространенные стертые метафоры. Нас он интересует именно как словарь синонимов, ибо близкие по значению слова могут быть использованы в метафорическом значении, а многозначность слов означает, что в прямом значении используются первые одно или два толкования, остальные будут использоваться в переносном значении.

То же можно сказать и о его прототипе «Учебном словаре синонимов русского языка» 1994 г., составленном Л. П. Алекторовой, В. И. Зиминым, О.

М. Ким и др. В заголовке словарных статей даются синонимические ряды, далее значение, сочетаемость и иллюстрации.

Также в 2008 г. В. И. Зиминым Л. А. Введенской, Н. П. Колесниковым был составлен «Словарь синонимов и антонимов русского языка». В нем даются краткие сведения о синонимах, словарные статьи поделены на синонимы и антонимы, подразделяются омонимы и многозначные слова, что делает его весьма неплохим словарем также и для изучающих русский язык. С точки зрения метафор содержит слой метафорической лексики, зафиксированной в прочих словарях, но здесь они тоже не позиционируются, как метафоры. Структура словарных статей стандартная для подобного типа словарей: заглавное слово и его формы, синонимы, толкование, иллюстрация использований. Антонимы даются в правой и левой колонках, словарная статья оформлена по тому же принципу, как и словарная статья синонимов.

«Словарь эпитетов русского литературного языка» К. С. Горбачевича представляет собой словарь общеязыковых, народно-поэтических и редких (авторских) эпитетов. Словарная статья состоит из заголовочного слова (отбор по употребляемости и обилию и по разнообразию эпитетов у слова), толкование как правило не дается, если значение слова однозначно, после слова идет перечисление эпитетов. Содержит большое количество метафорических единиц, но дается только их сочетаемость со словом. Для иностранных студентов уровня ниже С1 не будет однозначно полезен, скорее предназначен для авторов и поэтов, поскольку помогает проверить сочетаемость и употреблением красочных эпитетов. Толкование самих эпитетов не дается, поэтому без более глубокого знания языка, близкого к уровню носителя, помочь не может.

Переходя к фразеологическим словарям (поскольку именно фразеологизмы являются одними из ярких метафорических единиц речи) стоит упомянуть словарь А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко «Фразеологизмы в русской речи». В нем содержится более 500 фразеологизмов и более 6000 индивидуально-авторских модификаций. В словарной статье дается

заглавное слово, к нему даются фразеологизмы. К фразеологизму – толкование, далее употребления и модификации с источниками. Разумеется, это один из стандартных, но при этом самых универсальных вариантов именно словаря фразеологизмов, поэтому мы говорим о его структуре.

Т.В. Варлакова «Словарь фразеологических омонимов современного русского языка». Идут за Виноградовым В.В. и его утверждением о необходимости изучения омонимии в области фразеологии. Дается описание фразеологических омонимов разных типов. База – электронная картотека (2982 фразеологических омонима) по материалам художественной, научной, научно-популярной, публицистической литературы и прессы. Источники: речь аудио- и теле-интервью, записи живой речи. Единицы описания – фразеологизмы, содержащиеся в русском литературном языке от Пушкина и до наших дней. Фразеологические омонимы – языковые единицы, характеризующиеся тождеством структурной модели и компонентного состава, но имеющие несовмещающиеся значения. В словаре представлены фразеологизмы как единства и сращения без фразеологических сочетаний, составных терминов, пословиц, поговорок, и крылатых выражений, ибо фразеологизм понимается как отдельно оформленная номинативная единица языка. Из них:

- внутрифразеологические омонимы (идентичная фраза, но смыслы слегка различаются)

- внешние фразеологические омонимы

При квалификации использовались структурно-грамматический, семантический, функциональный принципы.

В структурно-грамматическом принципе квалификация идет по структуре (синтаксическая организация/структурное варьирование) и с точки зрения грамматических свойств.

Синтаксические типы:

- 1) модели сочетаний слов: из-за угла, за глаза

- 2) модели словосочетаний: во веки веков, любой ценой

3) модели простых предложений: бог ведает/знает/ведет .пальчики
оближешь

4) модели сложного предложения и его частей: как на духу, что
есть/было силы

Морфологически изменяемые и неизменяемые имеют
соответствующую помету.

Состав омонимов по типу варьирования:

- компонентные – во всю мочь/силу
- количественные - в полном порядке
- грамматические – под рукой, скор на руку
- морфемные – с иголочки, как на ладони
- синтаксические – точить зубы, ходить по рукам
- орфографические – в конце-концов

У некоторых встречаются несколько типов варьирования.

Семантические характеристики:

Указание на тип категориального значения, присущего данному классу
единиц и оформляемого совокупностью морфологических категорий,
определенными грамматическими формами, свойственными только данному
классу синтаксическими связями и функциями.

Классы в словаре:

- предметные – мыльный пузырь
- процессуальные - отдать концы
- призначные - ни тот ни другой
- качественно-обстоятельственные - как по маслу, на волоске
- количественные – курам на смех ,ни слова
- грамматические – на пороге, на пользу чего
- фразеологические союзы - по крайней мере
- фразеологические частицы – в целом, только что
- модальные – даю слово, между прочим

Далее идет толкование индивидуального значения.

Функциональный тип квалификации: номинативный (предметы, процессы, признаки, количественно-обстоятельственные, количественные), грамматический (фразеологические предлоги, союзы, частицы) – строевая функция, модальная – прагматическая функция модальных фразеологизмов.

Синтаксическая функция – сказуемое, определение, обстоятельство и пр.

Есть стилистическая и оценочная характеристика: разговорное, ироничное и пр.

Структура словаря:

- Алфавитный принцип, единичное употребление единицы на ту букву, с которой начинается
- Отмечаются цифрами, которые обозначают наличие омонимов (дву- и многочленные)
- Наиболее частотный вариант идет как инвариант, остальные даются в скобках.
- Изменяемость – неизменяемость
- Дается исходная форма для изменяемых фразеологизмов (м.р. ед.ч И.п.), если нет мужского рода, ставится в возможной для него форме.
- Морфологически неизменяемые даются в своей неизменяемой форме
- Дается видовая пара
- Есть разные типы токований: 1) значение через синонимичное слово 2) через сочетание «который» 3) описательный способ
- Многозначные фразеологизмы получают толкование всех значений под соответствующими цифрами.
- Наличие синонимов и антонимов дается в конце словарной статьи без иллюстраций
- Даются стилистические пометы

Словарная статья:

- 1) заголовочная единица со всеми вариантами
- 2) толкование заголовочной страницы
- 3) система характеристик, включающая в себя тип категориального значения; изменяемость/неизменяемость; принадлежность к разряду номинативных, грамматических, модальных единиц; синтаксическая функция; стилистическая характеристика
- 4) иллюстративный материал
- 5) наличие синонимов и антонимов

В конце дается алфавитный указатель всех описанных фразеологизмов омонимов.

«Словарь образных выражений русского языка», составленный Т.С. Аристовой, М.Л. Ковшовой, Е.А. Рысовой, В.Н. Телия, И.Н. Черкасовой. тематический, единицы в нем располагаются не по алфавиту. Это делается с целью более удобного усвоения материала – проще совладеть сразу тем, как могут говорить об определенной сфере жизни. Всего в словаре около 1000 единиц, наиболее активно употребляемых в речи и идиомы-неологизмы, которые являлись неологизмами на момент выхода книги. На семи страницах предисловие от В.Н. Телия, где рассказывается об особенностях значения идиом, как единиц фразеологического состава языка.

Словарь предлагает идиомы – ФЕ, смысл которых нельзя понять буквально, содержит толкования, грамматические сведения, эмоционально-оценочные и стилистические пометы, впервые даются иллюстрации из литературы, журналов, газет и созданные самими авторами в системе – в третьем лице, о собеседнике, о самом говорящем. По сути, этот словарь является нормативно-стилистическим справочником – для носителей русского языка, а изучающим русский язык помогает овладеть идиоматикой и культурно-национальной спецификой русского языка. Также к словарю прилагаются три указателя, помогающие найти нужную идиому

«тематический указатель идиом», «алфавитный указатель идиом», «алфавитный указатель слов-компонентов».

Тематические поля идиом: 1. характеристика человека: внешние качества, внутренние свойства и положение в обществе, 2. физическое состояние, 3. физическое действие и перемещение, 4. чувство-состояние, 5. чувство-отношение, 6. деятельность, 7. труд, безделье, 8. бедность, богатство, 9. интеллектуальные способности и состояния, 10. интеллектуальная деятельность, 11. речевая деятельность, 12. поведение, 13. характеристика событий, явлений, 14. пространство, 15. время, 16. мера.

«Словарь устойчивых сравнений русского языка» В.М. Огольцева содержит творческие и устойчивые народные сравнения. Автор не указывает изучающих русский язык как целевую аудиторию. В словарной статье дается объект сравнения, далее союз «как», с каким глаголом оно может употребляться, значение и иллюстрация из произведений. При наличии, даются синонимы и антонимы разного вида, но создающие тот же образ. Толкование исходного образа здесь также не дается.

Мокиенко В.М. «Почему так говорят? От Авося до Ятя». Историко-этимологический справочник по русской фразеологии. Материалом этого словаря послужили художественная литература, публицистика, словари, монографии, словари, картотеки архивы. Автор производил исторический и смысловой анализ каждого из представленных фразеологизмов и приводит их варианты: областные и прочие. Словарные статьи написаны в алфавитном порядке, но в форме мини-лекций развлекательного формата. Читаются очень легко и с интересом, что является весьма неплохим вариантом более глубокого понимания метафор именно во фразеологизмах. Это именно справочник, но отчасти это вариант того, к чему мы стремимся – показать источник и значение метафоры.

Павлович Н.В. «Словарь поэтических образов» призван помочь людям научиться понимать язык поэзии. Содержит примеры из поэзии и прозы 18-20 вв. Поэтический образ, в понимании автора – это небольшой фрагмент

текста, в котором происходит сближение понятий, которые обычно не сближаются в сознании людей. То есть те понятия, которые содержат метафору. Предполагается, что уподобление происходит в какой-то парадигме (например, глаза – уподобляются драгоценным камням). В своем словаре она показывает этот переход (свет → ткань, свет → вода, жизнь → битва, глаза → плоды, листья → деньги и пр.), что мы также будем использовать в своем словаре, дает понять, что и с чем сравнивается, множественность источников образов и причин для сравнения, даются варианты способов описания одного образа

«Фразеологизмы в русской речи» Баско Н.В. представляет собой словарь-справочник и содержит более 600 фразеологических оборотов, которые расположены в алфавитном порядке, идет по лексикографическому описанию за Шанским, Быстровой и Зиминим.

Фразеологизмы - сложная структура языка, поскольку значение не ясно из простой суммы всех компонентов фразеологизма. И в то же время это важный культурный минимум языка. Поскольку это словарь-справочник и учебный словарь, то фразеологический материал минимизирован, а также дается лексическая и семантическая сочетаемость.

Словарная статья:

- Фразеологизм и его варианты
- Толкование значения с указанием эмоционально-оценочной характеристики
- Стилистические пометы
- Грамматическая характеристика
- Лексико-семантические и синтаксические связи
- Иллюстративный материал – типичное употребление фразеологизма.

Дается алфавитный указатель, а базой является авторская картотека.

Содержит эмоционально-оценочную характеристику единиц по Телия В.Н.: фамильярное, неформальное, книжное.

Он очень близок по структуре словарной статьи к нашему желаемому прототипу словаря. В нем, однако, не дается глубоких толкований, только смысл и использование, где в каких ситуациях.

Е.В. Купчик «Словарь поэтических образов Александра Городницкого» представляет собой тезаурус поэта. В словаре более 3300 образов из его поэтических текстов за все время творчества. Он предназначен для специалистов по лингвистической поэтике, литературе и лингвокультурологии, содержит в себе образные средства (метафоры, эпитеты, сравнения и пр.) Для нас он интересен как сборник, в котором содержатся авторские метафоры.

Это тематический словарь: единицы сгруппированы по разделам определенного фрагмента внеязыковой действительности: земное пространство, огонь, человек, транспорт. Далее идут подразделы. Словарная дефиниция содержит: 1) название парадигмы, 2) перечень субъектов сопоставления 3) микроконтекст, в котором реализуется парадигма 4) ссылка на источник (название сборника, страница). Например:

Информация – вода

Информация. Захлебнется информацией компьютер [СР, 97]

Песня. И песни тихая струя Течет вослед струне [ГПЛ, 49]; ... То, что в коммуналке, и то, что за стеной, Покачивает валко Единую волной Та песня... [СР, 8]

Поэзия. Бездонен океан поэзии беззвучной [ЛС, 56] и т.д.

Иногда вводится семантический конкретизатор: Им (судам. – Е.К.) волна раскрывает объятья [ГПЛ, 81].

Этот словарь по использованию образов очень похож на то, к чему мы стремимся при создании нашего словаря. Образы являются метафорическими. Однако это не пособие для работы со студентами, хотя является отличной базой для создания структуры нашего словаря.

После отбора и анализа словарей делаем вывод, что нам больше всего подходят словари Е.В. Купчик, Н.В. Баско, а также частично словари Н.В.

Павлович, В.М. Мокиенко. На их основе мы и создаем дальнейшую модель требуемого словаря.

3.1. Методика словарного описания.

Основой для методики послужила работа Баранова А.Н., Караулова Ю.Н. «Русская политическая метафора (материалы к словарю)» [Баранов, Караулов, 1991.]. Книга дает более 6000 контекстов в определенном времени и пространстве, а именно времен перестройки на материале съезда народных депутатов (1989 – 1992 гг.). В книге изучаются метафоры и менталитет ораторов и журналистов.

Метафора в этих текстах часто используется как своего рода «оружие». Рассматриваются как метафоры в одно слово, так и метафоры на целый абзац. Также идет упоминание метафорических контаминаций, пример неудачных метафор, когда незаметно для самого говорящего один образ сменяется другим. Часто бывают примеры того, как внутренняя форма метафоризируемых слов забывается (полнокровный механизм рынка; скорострельные решения). Но есть и умышленные контаминации, создающие особый эффект («старшина шестой статьи» о Горбачеве).

Они говорят о двух дескрипторах (наименованиях) – сигнификативном (показывает, какое слово-понятие было использовано для метафорического обозначения) и допотативном (определяет, какая реалья получила данное метафорическое обозначение), которые являются явлениями из сферы-источника и сферы-мишени соответственно. [какие слова используются в метафорах для обозначения каких объектов, и, с другой, какие понятия получают метафорические обозначения и каковы они].

Их словарь состоит из двух частей. В первой «Метафорические модели политической реальности» приводятся слова-метафоры, объединенные в семантические группы. Для каждого метафорического употребления указывается сфера (метафора война – «политическая деятельность, законодательская деятельность, финансовая деятельность, торговля»,

метафора механизм – экономики и хозяйства, рынка, финансов и биржи, и т.д.). Первый раздел словаря построен по семасиологическому принципу (от означающего к означаемому).

Вторая часть словаря «Мир политики в зеркале метафор» построена по ономасиологическому принципу (от означаемого к означающему). Здесь представлены элементы политической жизни, получающие метафорические обозначения. Основные разделы этой части: «Демократия», «Законодательство», «КГБ», «КПСС», «Политические лидеры», «Россия», «СССР», «Финансы», «Экономика».

Метафорические единицы этого словаря интересны тем, что отражают отношения между объектами и отношение говорящих к данному объекту. Многие из них являются иронией, антифразой, а также цитатами. Так, например, в отношении Сталина используются следующие метафорические единицы: «Великий Магистр», «знамя», «император», «антихрист», «бес», «бог», «Ленин сегодня», «Вельзевул», «отец», «горный орел», «конвоир», «старший брат», «архитектор», «гвоздь» (на котором все держится), «капитан», «колода» (которую надо убрать), «Главный Волкодав» и др. Лингвист Г. Шпербер в своих работах высказывал предположение, что предмет, вызывающий особый интерес в обществе становится источником метафорического сравнения, что было оспорено, но принято на рассмотрение, как интересная в своей сути теория.

Сферы-источник для метафоризации делятся авторами книги на следующие категории: общие явления жизни человека, его ближайшего окружения, «человеческий организм», «родственные отношения», «растения», «механизмы». Эти сферы не специфичны исключительно для обозначения политических реалий, в отличие от метафорических моделей «Война», «Игра», «Спорт» и «Театр» (понятия борьбы за власть или влияния).

Введение «Как устроен словарь» не является традиционно руководством к пользованию словарем, в нем авторы рассказывают о

политической метафоре. Далее они продолжают экскурс в политическую метафору во вводной статье «Политическая метафора как объект лингвистического исследования», рассказывая о роли метафор в политической жизни общества, и важных семантических мирах метафор перестройки («строительство», «средство передвижения», «путь» и др.). Делая выводы из анализа метафор, авторы отмечают, что перестройка в сознании людей – это некий неподъемный объект, который надо постоянно толкать и двигать вперед, как стихийная сила, не соотносящаяся с человеком и социумом. И отмечают концептуальный милитаризм, который видно в этих метафорах.

В конце книги находится справочный материал, представляющий собой список авторских примеров, которые приведены в виде цитат-высказываний, полный список словарных статей к словарю «Русская политическая метафора», поскольку это не сам словарь, а только материалы к словарю, и разъяснены возникающие по ходу чтения вопросы, как например, об отсутствии модели «дом», которая предусмотрена в полной версии словаря, но не выделена отдельно в данной работе. Также в приложении приведен общий алфавитный список сигнификативных и денотативных таксонов словаря, которые выделены по тому же принципу, что и сам словарь. Алфавитный список необходим, поскольку деление на группы происходит по смысловому принципу.

В завершение книги дается статья А.Н. Баранова «Очерк когнитивной теории метафоры», где в дополнение к первой главе более подробно и глубоко говорится о метафоре, в частности о прагматическом аспекте использования метафор.

В своей рецензии Гак В.Г. [Гак, 1993.] критикует включение в словарь стертых метафор, которые в отличие от прочих живых метафор не «побуждают ум человека трудиться», они являются «готовыми элементами речи». И высказывает предложение об отдельном выделении метафор-цитат «горный орел» из Сталина, «Ленин сегодня» из Барбюса и т.д. Также

указывает на сложности категоризации, поскольку многие метафорические единицы можно отнести к разным тематическим группам, а также лакуны, создаваемые при категоризации авторами.

Структура словаря сводится к той основе, что метафора двучленна (сфера-источник и сфера-мишень или сигнификативный и денотативный дескрипторы), однако, по мнению Гака В.Г., при выделении признака нужна также как минимум внутренняя форма метафорического наименования, особенно если принимать во внимание, что многие лингвисты выделяют четырехчленную метафорическую модель, в которой также важен признак, принадлежащий явлению из сферы-источник, при совпадении которых и происходит сравнение явлений. В заключительной статье об этом тоже говорится, но в словаре не отражено.

Автор статьи предполагает, что введение в словарь признака, по которому происходит метафорический перенос, во многом бы обогатило словарь. Это один из моментов, которые мы наблюдаем в образных словарях, словарях метафор и даже словарях фразеологизмов, когда признак переноса не указан. И в то время, как большинство носителей языка, скорее всего, не будут иметь проблем с самостоятельным выявлением признака у большинства метафор – это может вызвать немалые трудности у изучающих русский язык. Особенно, если речь идет о политических метафорах, которые более ложны для интерпретации, чем метафорические единицы, использующиеся в литературных произведениях и публицистике.

Разумеется, язык метафор тем и сложен, что его недискретная интерпретация очень сложна, но это «значительно повысило бы объяснительную силу собранного материала», говорит Гак В.Г.

3.2. Модель словаря.

При создании словаря преследуются два типа задач (по Юриной Е.А. [Юрина, 2013. С. 182-183.]).

Лингвистические задачи словаря включают составление словника, единицами которого являются образные слова и выражения из отобранных для основной части учебника текстов; толкование семантики единиц; выборку и анализ контекстов, демонстрирующих их функционирование в русском языке и в частности в литературе, текст которой содержит как литературный так и разговорный стиль языка, которые хорошо представлены в использованном для данной работы литературном произведении.

В задачи лингвокультурологического характера входит описание ценностных смыслов, транслируемых метафорическими и символическими образами, а также выявление метафорических моделей, концептуализирующих описываемый фрагмент образного строя языка.

Словарь, описываемый в данной работе, является лингвистическим (языковым), одноязычным, поскольку толкование идет на русском языке, но в пару к нему предусмотрен также двуязычный русско-китайский словарь, создаваемый на основе данного, где метафорические единицы будут не только объясняться, но к ним будет дан перевод и эквиваленты, существующие в китайском языке, а также вариант перевода данной трудности в официальном переводе книг. Словарь является аспектным, поскольку обращен исключительно на метафорические значения слов в контексте и упрощение их понимания для студентов, и идеографическим (поскольку представлен определенной тематикой).

Представленные в нем единицы взяты из литературного произведения, которое в большой степени ориентировано на разговорную речь, в частности используются в диалогах, поэтому по сфере употребления они довольно многообразны, не ограничены какой-либо тематикой, и в основном отобраны так, чтобы дать представление о том, как метафора функционирует в русском языке.

С точки зрения функционального аспекта по стилистическому использованию он является словарем метафор.

Принципами отбора выступили: идентификация языковой единицы как образной, системности, учета функций языкового средства (выражение образного представления, эмоционально-экспрессивная, эстетическая функция – избирательно или комплексно появляющиеся), а также антропоцентризма.

Структура словарной статьи включается в себя «Предисловие», в котором идет список использующихся сокращений и указания к тому, как этим словарем пользоваться, в словарной статье идет заглавное слово, употребляющееся в его начальной форме (или предыдущей словообразовательной форме), которой в некоторых случаях может предшествовать краткий контекст, если мы имеем дело с речевой или авторской метафорой. Ударение ставится в каждом главном слове метафорической единицы с помощью подчеркивания (например, **СВЕТ КЛИНОМ (НЕ) СОШЁЛСЯ НА** ком-л.). Интерпретационная зона содержит два раздела: 1. прямое словарное толкование, 2. толкование единицы с точки зрения контекста, перед которым указывается, какое образное средство представляет данную метафору. За ней следует метафорическая модель с указанием, из какой сферы-источника в какую сферу-мишень переносится метафорический признак.

В отобранные единицы часто используются такие метафорические переносы как антропоморфизм, мифоморфизм, зооморфизм, фитоморфизм, натуроморфизм (природа и пр.), артефактоморфизм (объекты, созданные человеком), локоморфизм (пространство), фономорфизм (звуки). Некоторые из них будут представлены в следующих ниже фрагментах словаря.

3.3. Фрагменты словаря.

Представим анализ содержащего метафоры отрывка из текста романа «На солнечной стороне улицы» и составленные к нему образцы словарных статей. Для представленных образцов не производилась адаптация.

Вера в драку не кинулась, сдержала себя, хотя волна горячей крови долго еще гулким прибоем омывала сердце. И никаких кругов в воображении она вызывать не стала.

Отчеканила только с тихим, леденящим душу бешенством:

– Еще разок лапу на меня поднимешь – горько раскаешься...

[Рубина, 2012. С.15.]

с леденящим душу бешенством

БЕШЕНСТВО 1. Вирусное заболевание, поражающее нервную систему.

2. **ЯМ.** Крайняя степень раздражения, буйная ярость.

Метафорическая модель: [Медицина => Эмоции]

волна крови прибоем омывала сердце

ВОЛНА 1. Вал на поверхности водоёма при ее колебании под действием ветра, сейсмических явлений, механического воздействия.

2. **РМ.** Сильный приток крови, вызываемый переживанием бурных эмоций (гнева, волнения и т.п.).

Метафорическая модель: [Природа: вода => Эмоции: сильное волнение, гнев]

горько раскаешься

ГОРЬКИЙ 1. Имеющий горький вкус.

2. **ЯМ.** С чувством сильной грусти, разочарования.

Метафорическая модель: [Вкус => Эмоции, чувства]

в драку не кинулась

КИНУТЬСЯ 1. то же, что броситься, резко двинуться, устремиться куда-либо.

2. **ЯМ.** Сгоряча быстро начать что-то делать.

Метафорическая модель: [Физическое действие => Межличностные отношения]

лапу на меня поднимешь

ЛАПА 1. ступня либо вся конечность, нога у некоторых животных и птиц.

2. **ЯМ.** Рука, реже нога человека

<p>Метафорическая модель: [Животное: часть тела => Человек: часть тела]</p> <p><i>с леденящим</i> душу бешенством</p> <p>ЛЕДЕНЯЩИЙ 1. Превращающий в лед, замораживающий.</p> <p>2. ЯМ. Пугающий, жуткий, приводящий в состояние оцепенения.</p> <p>Метафорическая модель: [Природа: температура => Эмоции: испуг]</p>
<p><i>волна крови прибоем омывала сердце</i></p> <p>ОМЫВАТЬ 1. Течь около чего-нибудь, окружать своими водами (о водоёмах).</p> <p>2. РМ. Приливать к сердцу (о крови).</p> <p>Метафорическая модель: [Природа: вода => Эмоции: сильное волнение, гнев]</p>
<p><i>отчеканила с бешенством</i></p> <p>ОТЧЕКАНИТЬ 1. Изготовить методом чеканки (монеты).</p> <p>2. ЯМ. Чётко, уверенно произнести, отделяя слова друг от друга.</p> <p>Метафорическая модель: [Механическое действие: изготовление монет => Манера речи]</p>
<p><i>волна крови прибоем омывала сердце</i></p> <p>ПРИБОЙ 1. Бьющие в берег морские волны.</p> <p>2. РМ. Пульсирующий приток крови, вызываемый переживанием бурных эмоций (гнева, волнения и т.п.).</p> <p>Метафорическая модель: [Природа: вода => Эмоции: сильное волнение, гнев]</p>
<p>СДЕРЖАТЬ (себя) 1. Смочь удержать, не дать упасть, переместиться.</p> <p>2. ЯМ. Не дать проявиться своим эмоциям (гневу, раздражению, злости и пр.).</p> <p>Метафорическая модель: [Физическое действие => Эмоции, психологическая сфера, коммуникация]</p>

...Мать, если уж **ставила** перед собой какую-нибудь цель, то не **отступалась**; как дальнобойная **торпеда** насквозь **прошивала** любое препятствие на своем пути. Идея **выжить** из квартиры дочь так **крепко**

*засела в ее голове, так засияли райскими чертогами в её воображении две совершенно свободные комнаты, что заявления в милицию и в ЖЭК она писала **аккуратно**, через день, дело это знала, понимала, что в нашем государстве **свет клином на желторотом пацане-участковом не сошёлся**, есть и **посOLIDнее** люди, **заступятся** за **обездоленную** мать.*

[Рубина, 2012. С.40.]

АККУРАТНО (АККУРАТНЫЙ) 1. Точно, прилежно и в соответствии с правилами и нормами.

2. **ЯМ**. Постоянно, не пропуская.

Метафорическая модель: [Деятельность: качество => Деятельность: постоянство]

*Идея **выжить** из квартиры дочь*

ВЫЖИТЬ 1. Остаться в живых, продолжать существовать, несмотря на неблагоприятные условия для жизни.

2. **ЯМ**. Заставить покинуть свой дом, вынудить удалиться откуда-нибудь.

Метафорическая модель: [Природа: физическое существование, борьба за жизнь => Социальные взаимоотношения]

ЖЕЛТОРОТЫЙ 1. с желтизной около ключа (о птенцах).

2. **СО**. Неопытный, наивный.

Метафорическая модель: [Природа (животные) => Возраст (юный, неопытный)]

*Идея так **крепко засела** в ее голове*

ЗАСЕЕСТЬ 1. Основательно расположиться, усесться где-либо, за что-либо.

2. **ЯМ**. Оставаться, так что человек продолжает об этом думать постоянно.

Метафорическая модель: [Механическое действие => Мыслительная деятельность]

засияли райскими чертогами две свободные комнаты

ЗАСИЯТЬ (СИЯТЬ) 1. Начать излучать ровный, обычно яркий свет, сияние.

2. **РМ**. Явиться в мыслях как нечто очень хорошее.

<p>Метафорическая модель: [Природа: свет => Мыслительная деятельность]</p>
<p>ЗАСТУПИТЬ (-СЯ) 1. Шагая, встать перед чем-то.</p> <p>2. ЯМ. (<i>используется только с суф. -ся</i>) Вступить за кого-либо, защитить кого-либо.</p> <p>Метафорическая модель: [Физическое действие: движение в пространстве => Коммуникация]</p>
<p><i>Идея так крепко засела в ее голове</i></p> <p>КРЕПКО (КРЕПКИЙ) 1. Так, что трудно разбить, сломать, порвать и т. п.; прочно.</p> <p>2. ЯМ. Очень сильно, основательно.</p> <p>Метафорическая модель: [Физическое свойство => Качество действия]</p>
<p>ОБЕЗДОЛЕННЫЙ 1. Лишённый самого необходимого.</p> <p>2. ЯМ. Несчастный.</p> <p>Метафорическая модель: [Социальное, финансовое положение => Эмоциональное, душевное состояние]</p>
<p>ОТСТУПАТЬ (-СЯ) 1. шагая, передвигаться назад</p> <p>2. ЯМ. (<i>используется только с суф. -ся</i>) Отказываться от возможности достигнуть чего-либо (из-за каких-либо затруднений или препятствий)</p> <p>Метафорическая модель: [Физическое действие: движение в пространстве => Ментальная деятельность]</p>
<p><i>как дальнобойная торпеда насквозь прошивала любое препятствие на своем пути</i></p> <p>ПРОШИВАТЬ 1. Шить, пропуская нить и т. п. сквозь что-либо.</p> <p>2. ЯМ. Проходить, распространяться насквозь, на всю глубину.</p> <p>Метафорическая модель: [Физическое действие: Рукоделие => Скорость: легкость действия]</p>
<p><i>свет клином на пацане-участковом не сошёлся</i></p> <p>СВЕТ КЛИНОМ (НЕ) СОШЁЛСЯ НА ком-л. 1. Мир ограничился чем-то одним; внимание на этом объекте узкое и точное как клин</p> <p>2. ФЕ. О том, кто или что является единственно желаемым, приемлемым или</p>

единственно возможным при каком-либо выборе.

Метафорическая модель: [Материальный мир => Значимость объекта]

СОЛІДНИЙ 1. Прочный, крепкий, надёжный

2. **ЯМ.** Важный, представительный

Метафорическая модель: [Физическое свойство => Социальное положение]

ставила цель

СТАВИТЬ 1. Помещать предмет в стоячем положении

2. **ЯМ.** Создавать, формировать, делать

Метафорическая модель: [Механическое действие: размещение объекта в пространстве => Мыслительная деятельность]

как дальнобойная торпеда насквозь прошивала любое препятствие на своем пути

ТОРПЕДА 1. Самодвижущийся подводный взрывчатый снаряд.

2. **РМ.** Стремительный, резкий, активный человек.

Метафорическая модель: [Военная сфера: боеприпасы => Качество действия: настойчивость]

засияли райскими чертогами две свободные комнаты

ЧЕРТОГИ (РАЙСКИЕ) 1. Большое, просторное помещение, в которых живут боги.

2. **СРАВ.** Просторное, светлое и пр. жилище, которое человек воспринимает как нечто идеальное.

Метафорическая модель: [Религия, мифология => Качество объекта]

Заключение

Таким образом, метафора является одной из составляющих языковой картины мира носителей языка, содержится в культуре и сознании людей, которые отождествляют те или иные понятия и явления с некой иной сферой жизни. Поэтому изучение метафоры как самостоятельного объекта лингводидактики имеет большое значение при освоении любого иностранного языка, в частности при обучении иностранных учащихся русскому языку. Однако анализ учебников и пособий по РКИ показал, что на сегодняшний день отсутствуют учебники, нацеленные на освоение метафор иностранными учащимися в процессе обучения русскому, что делает актуальной проблему создания такого учебника. Важной частью учебника должен стать словарь метафор, призванный помочь иностранному студенту усвоить метафоры через соотношение их буквального значения и метафорической семантики в их контекстном употреблении. В составе учебника он дополняет уроки и помогает определить значение метафорических единиц, является источником освоения метафорической лексики и призван устранить лексические трудности в процессе изучения материалов учебника. Преподавание фразеологических единиц в частности для китайских студентов представляет большую трудность в связи с тем, что метафорический язык китайского и русского очень сильно отличаются. Поэтому одной из наших задач является создание точного и легкого в понимании словаря, чтобы такой, в значительной степени различающийся, метафорический язык был как можно более понятен для учащихся. Разработка и обоснование модели и элементов учебного лингвокультурологического словаря метафор, входящего в структуру учебника по РКИ «Учимся понимать русскую метафору» и было целью представленной работы.

Для достижения цели работы было проведено изучение теоретических положений: определено понятие когнитивной метафоры, образных средств языка, образности как категории мышления, языка и речи. Одной из проблем

при создании словаря является необходимость выделения метафор, которые будут использоваться в качестве материала. Многие из рассмотренных нами авторов метафоры относят к какой-либо категории, классифицируют их. Мы же нашей работе не будем как-то разделять метафоры, с тем, чтобы вывести какие-то из использованных в тексте метафор из работы. Разработанный в данной работе словарь является максимально точным и простым в толкованиях и нацелен на неоднократное представление материала для его наилучшего усвоения. В структуру учебника вписано дидактическое сопровождение словарного и текстового материала.

Предпочтительным материалом для отбора метафор являются книги, которые относятся к популярному жанру, и преимущественно являются женской прозой. Литература данного жанра является метафорически насыщенной, но при этом не должна вызывать трудностей в вопросе понимания смысла у начинающих изучать русский язык китайских студентов. Книга такого жанра и была использована в данной работе.

Для исследования и анализа метафорических моделей в данной работе в основном были взяты за основу труды русского лингвиста А.В. Чудинова («Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры»).

В процессе создания словаря был произведен анализ словарей образного языка и фразеологизмов, на основе чего был выбран самый оптимальный для нас вариант оформления словаря и словарных статей.

В частности «Словарь синонимов русского языка» 2008 г., составленный Л. П. Алекторовой, Л. А. Введенской, В. И. Зиминим и др. интересен нам тем, что в нем, как и во многих толковых словарях дается толкование слов, которые могут использоваться как ЯМ.

Основой же для методики послужила работа Баранова А.Н., Караулова Ю.Н. «Русская политическая метафора (материалы к словарю)».

Словарь (модель и фрагменты), разработанный в данной работе, является лингвистическим (языковым), одноязычным, поскольку толкование

идет на русском языке. Но в пару к нему предусмотрен также двуязычный русско-китайский словарь, создаваемый на основе данного, где метафорические единицы будут не только объясняться, но к ним будет дан перевод и эквиваленты, существующие в китайском языке, а также вариант перевода данной метафорической единицы в официальном переводе книг. Словарь является аспектным, поскольку обращен исключительно на метафорические значения слов в контексте и упрощение их понимания для студентов, и идеографическим (поскольку представлен определенной тематикой).

Он поможет не только сформировать навыки распознавания метафор в русской речи и их дальнейшего использования, но также благодаря русско-китайскому словарю, идущему вместе с описанным в данной работе одноязычным словарем, поможет перебороть страх перед образностью чужого изучаемого языка, в целом упростить и сделать более плодотворным процесс изучения языка.

Работа является только проектом словаря, и, несомненно, требует дальнейшей работы и инкорпорации словаря в учебное пособие, что будет заключаться в соотношении текстов и материала, использующегося в пособии, с содержанием словаря. Но цель, поставленная в нашей работе, по изучению метафоры, и на основе этого, выведению лучшего способа ее репрезентации и толкования в словаре, была выполнена, и мы получили модель, удовлетворяющую нашим требованиям.

Список литературы

1. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor /George Lakoff. In Andrew Ortony (ed.)/ – Metaphor and Thought. Cambridge University Press, 1993. – pp. 202-251
2. Zoltán Kövecses Metaphor in Culture: universality and Variation. – Cambridge [a. o.] : Cambridge University Press , 2007. – 314 p.
3. Аксенова М.П. Русский язык по-новому Часть 1 (уроки 1-15) : [учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 031001 и направлению подготовки 031001 "Филология" /[под ред. Н. Н. Карлиной]. – М. : Форум , 2010. – 645 с.
4. Аксенова М.П. Русский язык по-новому Часть 2 (уроки 16-22) : [учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 031001 и направлению подготовки 031001 "Филология" /[под ред. Н. Н. Карлиной]. – М. : Форум , 2010. – 406 с.
5. Алекторова Л. П. Учебный словарь синонимов русского языка /Л. П. Алекторова, В. И. Зимин, О. М. Ким и др. – М. : Школа-Пресс, 1994. – 384 с.
6. Алекторова Л. П., Введенская Л. А., Зимин В. И. и др. Словарь синонимов русского языка : ок. 2000 слов : около 800 синоним. рядов / Л. П. Алекторова, Л. А. Введенская, В. И. Зимин и др. – 2-е изд., испр. – М. : Астрель : АСТ, 2008. – 333 с.
7. Аникина М. Н. Лестница : начинаем изучать русский : книга-практикум. – М. : Русский язык-Медиа , 2006. – 259 с.
8. Аникина М. Н. Лестница : тестовые задания, грамматические таблицы, словарь "Семья слов": начинаем изучать русский /М. Н. Аникина, И. К. Дворянинова. – М. : Русский язык-Медиа , 2006. – 254 с.
9. Аникина М. Н. Лестница : учебник : начинаем изучать русский : [для студентов-иностранцев вузов]. – М. : Русский язык-Медиа , 2006 – 341 с.

10. Антонова В. Е. Дорога в Россию [Ч.] 3, т. 2 : учебник русского языка (первый уровень -II) : [в 2 т.] /В. Е. Антонова, М. М. Нахабина, А. А. Толстых. – СПб [и др.] : Златоуст [и др.] , 2009. – 184 с.
11. Антонова В. Е. Дорога в Россию 1 : учебник русского языка (элементарный уровень) : [для иностранцев] /В. Е. Антонова, М. М. Нахабина, М. В. Сафронова, А. А. Толстых. – СПб [и др.] : Златоуст [и др.] , 2012. – 341с.
12. Антонова В. Е. Дорога в Россию 2 : учебник русского языка (базовый уровень) : [для иностранцев] /В. Е. Антонова, М. М. Нахабина, А. А. Толстых– СПб [и др.] : Златоуст [и др.], 2012. – 256 с.
13. Аристова Т. С. Словарь образных выражений русского языка / Аристова Т. С., Ковшова М. Л., Рысева Е. А. [и др.]; под ред. Телия В. Н. М.: Отечество , 1995. – 368 с.
14. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – I-XV, 896 с.
15. Арутюнова, Н.Д. Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь. / Н.Д. Арутюнова. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 296-297.
16. Балашова, Л. В. Метафора в диахронии. / Л.В. Балашова. Саратов: Изд-во Сарат. гос. ун-та, 1998. – 216 с.
17. Баранов А. Н. Русская политическая метафора: материалы к словарю / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М.: Ин-т рус. яз., 1991. – 193 с.
18. Баранов А.Н. О типах сочетаемости метафорических моделей. – М. : Ин-т русского яз. им. В.В. Виноградова РАН. Вопросы языкознания, 2003, № 2. – С. 73-94.
19. Баско Н.В. Фразеологизмы в русской речи: словарь-справочник / сост. Н.В. Баско. - 2-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 272 с.
20. Беляевская, Е. Г. Принципы когнитивных исследований: проблема моделирования семантики языковых единиц Текст. / Е. Г.

Беляевская // Когнитивная семантика: материалы 2-ой международной школы семинара. Ч. 1. – Тамбов, 2000. – С.8-10.

21. Блинова О. И. Концепция «Словаря образных единиц сибирского говора» [Электронный ресурс]: Вестник Томского государственного университета. Филология 2010 № 3 (11), С. 5-14. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000460904> (дата обращения 01.06.2017)

22. Блинова О. И. Явление мотивации слов: лексикологический аспект. М.: URSS , 2010. – 208 с.

23. Блинова О. И., Юрина Е. А. Словарь образных слов русского языка / Блинова О. И., Юрина Е. А. – Томск: [UFO-Plus] , 2007. – 363 с.

24. Вальтер Х., Малински Т., Мокиенко В., Степанова Л. Русская фразеология для немцев. – СПб.: Златоуст, 2005. – 232 с.

25. Вардзелашвили Ж. О двоякой сущности метафоры. [Электронный ресурс] : Санкт-Петербургский государственный университет и Тбилисский государственный университет. Научные труды. Серия: филология. Выпуск IV. СПб-Тб., 2002. – с. 66-77. URL: <http://vjanetta.narod.ru/bakan4.html> (дата обращения: 14.04.2017)

26. Варлакова, Т.В. Словарь фразеологических омонимов современного русского языка /под ред. Н. А. Павловой. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 304 с.

27. Введенская Л. А., Зимин В. И. и др. Словарь синонимов и антонимов русского языка : ок. 800 синоним. рядов ; ок. 500 антоним. гнезд / Л. А. Введенская, В. И. Зимин, Н. П. Колесников и др. – М. : АСТ : Астрель, 2008. – 768 с.

28. Гак В.Г. Русская политическая метафора (материалы к словарю) / Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. / Вопросы Языкознания н.3. – Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. 1993.– С.136-140.

29. Горбачевич К. С. Словарь эпитетов русского литературного языка. – СПб. : Норинт, 2000. – 221 с.:

30. Караванова Н.Б. Матрешка : элементный практический курс русского языка, [О-А1]. – М. : Русский язык. Курсы , 2015. – 333 с.
31. Колодкина Е.Н. О специфике психолингвистической трактовки параметров конкретности, абстрактности, образности и эмоциональности значения существительных / Психолингвистические проблемы семантики и понимания текста. - Калинин, 1986. – 187 с.
32. Купчик Е. В. Словарь поэтических образов Александра Городницкого / Купчик Е. В. Тюмень: Мандр и Ка , 2006. – 138 с.
33. Лагута О. Н. Метафорология: теоретические аспекты. Ч. 1 / О.Н. Лагута.- Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2003а. 114 с.; Лагута, О.Н. Метафорология: теоретические аспекты. Ч. 2 / О.Н. Лагута.- Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2003. – 208 с.
34. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. - 256 с.
35. Лиходкина И.А. Авторская метафора и особенности ее перевода (на материале романа м. Леви «Et si c'»était vrai...» и его переводов на русский, итальянский и английский языки) [Электронный ресурс] : Издательство «Грамота» – публикации научных статей в периодических изданиях. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2016_3-1_39.pdf (дата обращения: 14.04.2017)
36. Маслова В. А. Теория концептуальной метафоры и её роль в современных лингвистических исследованиях. [Электронный ресурс] : Днепровский нац. ун-т. имени Олеся Гончара. Днепропетровск, 2016. URL: <http://lingvodnu.com.ua/archiv-nomeriv/lingvistika-lingvokulturologiya-2012/teoriya-konceptualnoj-metafory-i-eyo-rol-v-sovremennykh-lingvisticheskix-issledovaniyax/> (дата обращения: 01.06.2017)
37. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. – М. : Русские словари, 1997. – 864 с.

38. Метафора в языке и тексте. // Гак В.Г., Телия В.Н., Вольф Е.М. и др. - М.: Наука, 1988. – 176 с.
39. Мокиенко В.М. Почему так говорят? От Авося до Ятя: Историко-этимологический справочник по русской фразеологии. – СПб. : Норинт, 2004. – 512 с.
40. Нгуен Х.К. Отражение национальной картины мира в русской паремиологии автореферат диссертации по филологии, специальность ВАК РФ 10.02.01 / Человек и наука - библиотека диссертаций по гуманитарным наукам [Электронный ресурс] URL: <http://cheloveknauka.com/otrazhenie-natsionalnoy-kartiny-mira-v-russkoj-paremiologii> (дата обращения: 01.06.2017)
41. Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический). – М.: ООО «Русские словари»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2001. – 800 с.
42. Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический). – М. : Русские словари, издательство Астрель, издательство АСТ, 2001. – 800с.
43. Павлович Н.В. Словарь поэтических образов Т. 1: На материале русской художественной литературы XVIII-XX веков: [в 2 т.]. М.: Эдиториал УРСС , 1999. – 795 с.
44. Павлович Н.В. Словарь поэтических образов Т. 2: На материале русской художественной литературы XVIII-XX веков: [в 2 т.]. М.: Эдиториал УРСС , 1999. – 872 с.
45. Перехвальская Е.В. Этнолингвистика: учебник для академического бакалавриата : [по гуманитарным направлениям и специальностям] /Е. В. Перехвальская ; С.-Петеб. гос. ун-т. – М. : Юрайт , 2016. – 350 с.
46. Прохоров Ю.Е. Русские: коммуникативное поведение / Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин. – 4-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 328 с.
47. Резанова З.И. Гендерно маркированные метафоры: влияние лингвистических и экстралингвистических факторов на референциальный

выбор. - Язык и сознание в междисциплинарной парадигме исследований : материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике, 30 сентября - 2 октября 2015 г.. М. ; Тамбов ; СПб., 2015. - С. 485-487

48. Рубина Д. На солнечной стороне улицы / Дина Рубина. – М.: Эксмо, 2012. – 512 с.

49. Русская пищевая традиция в зеркале языковых образов: лингвокультурологический словарь / Боровкова А. В., Грекова М. В., Живаго Н. А. и др., под ред. Юриной Е. А. Кокшетауский гос. ун-т им. Шокана Уалиханова, Том. гос. ун-т. Кокшетау: Издательство КГУ им. Ш. Уалиханова, 2014. – 197 с.

50. Русская фразеология для немцев / Вальтер Х., Малински Т., Мокиенко В., Степанова Л. – СПб. : Златоуст , 2005. – 230 с.

51. Складарская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 166 с.

52. Складарская Г.Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Складарская; Рос. АН; Ин-т лингвистических исследований; Отв. ред. Д. Н. Шмелев. – СПб. : Наука , 1993. – 151 с.

53. Сковородников А. П. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты: энциклопедический словарь-справочник /под ред. Сковородникова А. П. М.: Флинта [и др.] , 2009. – 479 с.

54. Скороходов Л. Ю. Окно в Россию Ч. 1 : учебное пособие по русскому языку как иностранному для продвинутого этапа : [в 2 ч.] /Л. Ю. Скороходов, О. В. Хорохордина. – СПб: Златоуст , 2015. – 189 с.

55. Скороходов Л. Ю. Окно в Россию Ч. 2 : учебное пособие по русскому языку как иностранному для продвинутого этапа : [в 2 ч.] /Л. Ю. Скороходов, О. В. Хорохордина. – СПб : Златоуст , 2010. – 263 с.

56. Словарь образных единиц сибирского говора /авт.-сост. Блинова О. И., Толстова М. А., Юрина Е. А., под ред. О. И. Блиновой ; Том. гос. ун-т Томск: Издательство Томского университета , 2014. – 217 с.

57. Словарь поэтических терминов /авт.-сост. Квятковский А. П.; под ред. Бонди С. М. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. – 238 с.
58. Словарь русской пищевой метафоры Т. 1 /сост. Боровкова А. В., Грекова М. В., Живаго Н. А., Юрина Е. А., под ред. Юриной Е. А. Нац. исслед. Том. гос. ун-т. Томск: Издательство Томского государственного университета, 2015. – 425 с.
59. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 141 с.
60. Телия В.Н. Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках» сборник под редакцией В.Н. Телия. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 340 с.
61. Телия В.Н. Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке /Акад. наук СССР, Ин-т языкознания, М.: Наука, 1981. – 268 с.
62. Токарев Г. В. Лингвокультурология. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2009. – 135 с.
63. Чепкова Т.П. Знакомимся с русской фразеологией: Учебное пособие. — М.: Флинта: Наука, 2003. — 88 с.
64. Чернышов С.И. Поехали! Ч. 1 : русский язык для взрослых : начальный курс. – СПб: Златоуст, 2009. – 280 с.
65. Чернышов С.И. Поехали! Ч. 2, т. 1 : русский язык для взрослых : базовый курс : [в 2 т.] /Станислав Чернышов, Алла Чернышова. – СПб: Златоуст, 2009. – 166 с.
66. Чернышов С.И. Поехали! Ч. 2, т. 2 : русский язык для взрослых : базовый курс : [в 2 т.] /Станислав Чернышов, Алла Чернышова. – СПб: Златоуст, 2010. – 199 с.
67. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): Монография. – Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2001. – 238 с.

68. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003. – 248 с.
69. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учебное пособие: [для студентов, аспирантов, преподавателей-филологов] / Чудинов А. П. М.: Флинта, Наука, 2012. – 254 с.
70. Эсмантова Т.Л. Русский язык: 5 элементов : [учебник] : уровень В1 (базовый-первый сертификационный) /Татьяна Эсмантова ; [отв. ред. А. В. Голубева]. – СПб : Златоуст , 2016. – 340 с.
71. Эсмантова Т.Л. Русский язык: 5 элементов : [учебник] : уровень А1 (элементарный) /Татьяна Эсмантова ; [отв. ред. А. В. Голубева]. – СПб : Златоуст , 2016. – 320 с.
72. Юрина Е. А. Вкусные метафоры: пищевая традиция в зеркале языковых образов. / Е. А. Юрина. – Кокшетау, 2013. – 240 с.
73. Юрина Е. А. Комплексное исследование образной лексики русского языка: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.01. – Томск: [б. и.], 2005. – 47 с.
74. Юрина Е. А. Мотивологические основы теории лексической образности // Актуальные проблемы мотивологии в лингвистике XXI века. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. – С. 129-144.
75. Юрина Е. А. Образность как категория лексикологии: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Е. А. Юрина; Томск. гос. ун-т; Науч. рук. О. И. Блинова. – Томск, 1994. – 250 с.
76. Юрина Е.А. Образный строй языка. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – 156 с.

Приложение

ДИНА РУБИНА – НА СОЛНЕЧНОЙ СТОРОНЕ УЛИЦЫ				
Стр.	отрывок	разряд	сфера источник	сфера мишень
5	<p>город заштрихован моей угрюмой памятью</p> <p><i>Я позабыла тот город, он заштрихован моей угрюмой памятью, как пейзаж – дождевыми каплями на стекле.</i></p> <p>Общезыковой аналог: вычеркнуть из памяти</p>	РМ	<p>Антропоморфная метафора</p> <p>Рисование, искусство</p>	<p>Мыслительная деятельность</p> <p>Мышление</p> <p>Забывать</p>
	<p>город, он заштрихован как пейзаж – дождевыми каплями на стекле</p> <p><i>Я позабыла тот город, он заштрихован моей угрюмой памятью, как пейзаж – дождевыми каплями на стекле.</i></p>	Сравн.	<p>Дождь, погода, природа</p>	<p>Мыслительная деятельность</p> <p>Мышление</p> <p>Забывать</p>
	<p>юность проплутала, просвистела, сгнула (ходить какое-то время, заблудившись, без цели; быстро пролететь; исчезнуть)</p> <p>Моя юность проплутала этими переулками, просвистела этими проспектами и — сгнула.</p>	ЯМ	<p>Антропоморфная метафора</p> <p>Действия живого организма</p>	<p>Время, возраст</p>
	<p>смутно «неясно, неточно».</p>	СО	<p>Физическое свойство,</p>	<p>Мыслительная деятельность</p>

	Иногда во сне, оказавшись на смутно знакомом перекрестке и тоскливо догадываясь о местонахождении, я тщетно пытаюсь припомнить дорогу к рынку, где ждет меня спасение от позора.		воспринимаемое зрением	Свойство памяти
б	нагрнуть «неожиданно появиться» Из долгой, с ветерком, гастроли мать нагрнула неожиданно и, вызнав у соседей про измену отчима, пошла резать его кухонным ножом.	СО	Звук, очень громкий	Неожиданное событие, неожиданно появиться
	распластанный (о книге) «лежащий плоско» Распластанная книжка так и осталась валяться на кухонном столе дерматиновым хребтом вверх, словно сияясь подняться с карачек...	ЯМ	Антропоморфная метафора	Артефакты книга
	хребет (о корешке книги) «часть, где соединяются листы» Распластанная книжка так и осталась валяться на кухонном столе дерматиновым хребтом вверх , словно сияясь подняться с карачек...	ЯМ	Антропоморфная соматическая метафора	Артефакты книга
	словно сияясь подняться с карачек (о книге)	Сравн.	Антропоморфная метафора	Артефакты книга

<p>Распластанная книжка так и осталась валяться на кухонном столе дерматиновым хребтом вверх, словно силясь подняться с карачек...</p>			
<p>отсчитать срок до копейки</p> <p>Сама же отсчитала весь срок до копейки, и когда вернулась, Вере уже исполнилось двадцать.</p>	Авт	Деньги, финансовая сфера (выплата долгов)	Период времени (отбытие тюремного наказания)
<p>сторона</p> <p>Если же рассказывать толково и подробно... то эту жизнь надо со всех сторон копать: и с начала, и с конца, и посередке. А если копать с усердием, такое выкопаешь, что не обрадуешься. Ведь любая судьба к посторонним людям — чем повернута? Конспектом. Оглавлением... В иную заглянешь и отшатнешься испуганно: кому охота лезть голыми руками в электрическую проводку этой высоковольтной жизни.</p>	ЯМ	Пространство, физические объекты	События жизни, ментальные объекты
<p>копать – выкопать</p> <p>Если же рассказывать толково и подробно... то эту жизнь надо со всех сторон копать: и с начала, и с конца, и</p>	ЯМ Докопаться до истины	Механическое действие Землю копать лопатой	Мыслительный процесс Жизнь изучать, понимать

<p>посередке. А если копать с усердием, такое выкопаешь, что не обрадуешься. Ведь любая судьба к посторонним людям — чем повернута? Конспектом. Оглавлением... В иную заглянешь и отшатнешься испуганно: кому охота лезть голыми руками в электрическую проводку этой высоковольтной жизни.</p>			
<p>Жизнь – книга: конспект, оглавление</p> <p>Если же рассказывать толково и подробно... то эту жизнь надо со всех сторон копать: и с начала, и с конца, и посередке. А если копать с усердием, такое выкопаешь, что не обрадуешься. Ведь любая судьба к посторонним людям — чем повернута? Конспектом. Оглавлением... В иную заглянешь и отшатнешься испуганно: кому охота лезть голыми руками в электрическую проводку этой высоковольтной жизни.</p>	ЯМ	Артефакты книга	События жизни
<p>лезть голыми руками «не защищенный»</p> <p>Если же рассказывать толково и подробно... то эту жизнь надо со всех сторон копать: и с</p>	ФЕ	<p>Физическое свойство</p> <p>Механическое действие</p> <p>Голые руки – незащищенный</p>	<p>Ментальная сфера</p> <p>Знакомиться с чем-л., узнавать что-то о чем-то</p> <p>Неподготовленность, опасность того, с чем</p>

<p>начала, и с конца, и посередке. А если копать с усердием, такое выкопаешь, что не обрадуешься. Ведь любая судьба к посторонним людям — чем повернута? Конспектом. Оглавлением... В иную заглянешь и отшатнешься испуганно: кому охота лезть голыми руками в электрическую проводку этой высоковольтной жизни.</p>		(отсутствие покрова)	имеешь дело Социальные отношения — вмешиваться в чужую жизнь
<p>отшатнуться «резко отодвинуться от кого-либо или от чего-либо»</p> <p>Ведь любая судьба к посторонним людям — чем повернута? Конспектом. Оглавлением... В иную заглянешь и отшатнешься испуганно: кому охота лезть голыми руками в электрическую проводку этой высоковольтной жизни.</p>	СО	Механическое действие	Психическая сфера, эмоциональная реакция, испуг
<p>электрическая проводка высоковольтной жизни «опасный»</p> <p>Если же рассказывать толково и подробно... то эту жизнь надо со всех сторон копать: и с начала, и с конца, и посередке. А если копать с усердием, такое выкопаешь, что не</p>	АМ	Электричество Физическое свойство, артефакт, сооружение	Психологическая, межличностные отношения

	<p>обрадуешься. Ведь любая судьба к посторонним людям — чем повернута? Конспектом. Оглавлением... В иную заглянешь и отшатнешься испуганно: кому охота лезть голыми руками в электрическую проводку этой высоковольтной жизни.</p>			
	<p>повернуть «вертя, двигая по кругу, изменить положение чего-либо»</p> <p>Если же рассказывать толково и подробно... то эту жизнь надо со всех сторон копать: и с начала, и с конца, и посередке. А если копать с усердием, такое выкопаешь, что не обрадуешься. Ведь любая судьба к посторонним людям — чем повернута? Конспектом. Оглавлением... В иную заглянешь и отшатнешься испуганно: кому охота лезть голыми руками в электрическую проводку этой высоковольтной жизни.</p>	ЯМ	Механическое действие	Мыслительный процесс
7	<p>обмахнула поцелуями «быстро, легко проведя чем-л. по чему-л.»</p> <p>Вернулась она тихо: позвонила в дверь двумя неуверенными звонками и, когда Вера</p>	ЯМ	Механическое действие	Человек, тактильный контакт

<p>открыла, прослезилась и обмахнула щеки дочери такими же неуверенными поцелуями.</p>			
<p>барин «о человеке, который ведет себя, как важный человек»</p> <p>Мать прошла отчего-то не в комнату, а в кухню; Сократус — холеный барин, эстет, платиновые бакенбарды — следовал за ней тревожной трусцой, морщась от ужасного запаха тюремной юдоли.</p>	ЯМ	Социальный статус	Характер, манера поведения животного
<p>платиновые бакенбарды «светло-серого металлического цвета»</p> <p>Мать прошла отчего-то не в комнату, а в кухню; Сократус — холеный барин, эстет, платиновые бакенбарды — следовал за ней тревожной трусцой, морщась от ужасного запаха тюремной юдоли.</p>	ЯМ	Натурфакт, Металл	Цвет (темно-серый с блеском)
<p>мягкий (мягко) «нежный, приятный (о голосе)»</p> <p>Мать опустилась на табурет, медленно стянула с головы косынку (поседела, фурия, — отметила Вера) и мягко, со слезою в голосе, вздохнула: — Ну вот, вернулась к тебе</p>	ЯМ	Физическое свойство	Качество звука, голоса Нежный, приятный

	твоя мамочка...			
	острый «худой, с выпирающими костями (о теле)» Привалившись острым плечом к дверному косяку, Вера молча наблюдала за нею.	ЯМ	Физическое свойство	Характеристика внешности человека
	прихватывающий взгляд «такой, который все видит и замечает» Мать, между тем, оглядела кухню уже другим, своим прихватывающим взглядом , поддала носком стоптанной босоножки обломок угольного карандаша на полу:	ЯМ	Механическое действие	Качество взгляда
8	горбить «выполнять тяжёлую работу» Я в твои годы горбила вовсю.	СО	Физическое действие живого организма	Процесс работы (здесь - зарабатывания денег)
	согнать улыбку «убрать силой» И согнала с губ улыбку.	ЯМ	Физическое действие, избавление от чего-л	Сознательные перемены мимики
	рысий «беспокойно озирающийся, зоркий, пронизательный» Та подняла на нее светлые рысьи глаза: видали верзилу? — стоит, жердь тощая, старая майка краской заляпана, взгляд утрюмый ,	ЯМ	Животное	Внешность человека

<p>насмешливый... Выросла. Самостоятельная!</p>			
<p>жердь «об очень худом и высоком человеке»</p> <p>Та подняла на нее светлые рысьи глаза: видали верзилу? — стоит, жердь тощая, старая майка краской заляпана, взгляд угрюмый, насмешливый... Выросла. Самостоятельная!</p>	ЯМ	Физический объект	Фигура человека
<p>бешеный «необузданный, крайне раздражительный.»</p> <p>Они глядели друг на друга и понимали, что жить им теперь, обеим, бешеным, в этой вот квартире.</p>	ЯМ	Медицинский термин	Черта характера
<p>встрясть «вмешаться во что-н.»</p> <p>Я, пожалуй, встряну здесь ненадолго. Собою их не заслону, хотя я и автор, вернее — одно из второстепенных лиц на задах массовки. Я и в хоре пела всегда в альтах, во втором ряду. Вы помните, конечно, эти немолчные хоры на районных конкурсах школьных коллективов? Если нет, я напомним.</p>	ЯМ	Физическое действие,	Речемыслительная деятельность, коммуникация (вмешаться в разговор)

<p>заслонить «оттеснить на задний план, вытеснить, сделать менее заметным, значимым и т. п.»</p> <p>Я, пожалуй, встряну здесь ненадолго. Собою их не заслону, хотя я и автор, вернее — одно из второстепенных лиц на задах массовки. Я и в хоре пела всегда в альтах, во втором ряду. Вы помните, конечно, эти немолчные хоры на районных конкурсах школьных коллективов? Если нет, я напомню.</p>	ЯМ	Физическое действие, перекрытие вида, доступа	Мыслительная деятельность, коммуникация
<p>парадный «предназначенный для торжественных случаев; праздничный, торжественный»</p> <p>Одежда парадная: белый верх — черный низ, зажеванные уголки красных галстуков с утра тщательно отпарены плюющим утюгом...</p>	ЯМ	Военное дело	Функциональность одежды
<p>зажеванный «мятый»</p> <p>Одежда парадная: белый верх — черный низ, зажеванные уголки красных галстуков с утра тщательно отпарены плюющим утюгом...</p>	РМ	Физиологическое действие	Качество предмета (Состояние ткани)
<p>плюющийся «извергать, выбрасывать из себя что-либо;</p>	ЯМ	Физиология человека	Физическое свойство предмета

	<p>разбрасывать вокруг себя частицы чего-либо»</p> <p>Одежда парадная: белый верх — черный низ, зажеванные уголки красных галстуков с утра тщательно отпарены плюющимся утюгом...</p>			
9	<p>слезящийся нос «источающий капли сока, влаги»</p> <p>Вот хоровичка поднимает руки, словно готовясь долбануть локтями кого-то невидимого по обеим сторонам. Дирижерская палочка подрагивает и ждет. За роялем Клара Нухимовна: белое жабо крахмальной блузки, слезящийся нос, жировой горбик на шее... В черном зеркале поднятой крышки рояля подбитой голубкой трепещет отражение ее комканного кружевного платка.</p>	ЯМ	Физиология, органы зрения	Физиология, органы обоняния
	<p>зеркало крышки рояля «любая гладкая отражающая поверхность»</p> <p>Вот хоровичка поднимает руки, словно готовясь долбануть локтями кого-то невидимого по обеим сторонам. Дирижерская</p>	ЯМ	Артефакт	Свойство физического объекта (отражение)

<p>палочка подрагивает и ждет. За роялем Клара Нухимовна: белое жабо крахмальной блузки, слезящийся нос, жировой горбик на шее... В черном зеркале поднятой крышки рояля подбитой голубкой трепещет отражение ее комканного кружевного платка.</p>			
<p>подбитой голубкой трепещет отражение «дрожать»</p> <p>Вот хоровичка поднимает руки, словно готовясь долбануть локтями кого-то невидимого по обеим сторонам. Дирижерская палочка подрагивает и ждет. За роялем Клара Нухимовна: белое жабо крахмальной блузки, слезящийся нос, жировой горбик на шее... В черном зеркале поднятой крышки рояля подбитой голубкой трепещет отражение ее комканного кружевного платка.</p>	АМ	Животные	Артефакт
<p>И вот — бурный апрельский разлив вступления! «громкий, быстрый»</p>	АМ	Природа, весна	Качество звука, движение музыки
<p>повести (вести) «помогать к кому-то или чему-то двигаться куда-то»</p>	ЯМ	Физическое действие, передвижение объекта	Звук (Процесс пения)

	Взмах из затакта: повели медленно и раздумчиво...			
	одеться «о растительности покрыться чем-либо (обычно зеленью, листвой и т. п.)» Ветви оделись листвою весенней...	ЯМ	Человек. Физическое действие	Природное явление (растение)
	нарастать «о звуке становиться сильнее, громче» Звук нарастает , жилы на шее хоровички натягиваются...	ЯМ	Природа. Процесс роста, развития	Свойство звука, усиление
10	Совместное бурлацкое вытягивание баржи	ЯМ	Бурлацкий промысел	Процесс пения
	сладострастие «большое удовольствие, наслаждение» И пошел, пошел, ребятки, финал — наш великий исход, исступление, искупление, камлание, сладострастие тотального мажора безумных весталок:	СО	Вкус	Чувство, эмоции
	налиться свекольным соком, ... хлынувшим «стать очень красным» ...и вот теперь... подкрадываясь с пианиссимо, раскручивая птицу-тройку до самозабвенного восторга, по пути прихватив мощное сопрано нашей хоровички, налившейся свекольным	ЯМ	Физическое действие, жидкости Натурфакт	Физиология

<p>соком, стремительно хлынувшим на лоб ее, щеки и монументальную грудь!!!</p>			
<p>монументальная грудь «очень большого размера»</p> <p>...и вот теперь... подкрадываясь с пианиссимо, раскручивая птицу-тройку до самозабвенного восторга, по пути прихватив мощное сопрано нашей хоровички, налившейся свекольным соком, стремительно хлынувшим на лоб ее, щеки и монументальную грудь!!!</p>	ЯМ	Физический объект (памятник)	Размер

Отчет о проверке на заимствования №1

Автор: mama_m_a@mail.ru / ID: 4090070

Проверяющий: (mama_m_a@mail.ru / ID: 4090070)

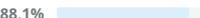
Отчет предоставлен сервисом «Антиплагиат» - <https://users.antiplagiat.ru>

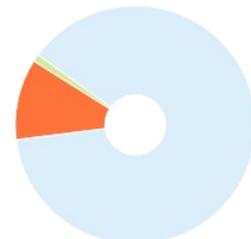
ИНФОРМАЦИЯ О ДОКУМЕНТЕ

№ документа: 18
 Начало загрузки: 12.06.2019 17:19:10
 Длительность загрузки: 00:00:12
 Имя исходного файла: Томышева
 диссертация
 Размер текста: 552 кБ
 Символов в тексте: 187322
 Слов в тексте: 23691
 Число предложений: 2078

ИНФОРМАЦИЯ ОБ ОТЧЕТЕ

Последний готовый отчет (ред.)
 Начало проверки: 12.06.2019 17:19:23
 Длительность проверки: 00:00:09
 Комментарии: не указано
 Модуль поиска: Модуль поиска Интернет, Цитирование

ЗАИМСТВОВАНИЯ 10,99% ЦИТИРОВАНИЯ 0,91% ОРИГИНАЛЬНОСТЬ 88,1%

Заимствования — доля всех найденных текстовых пересечений, за исключением тех, которые система отнесла к цитированиям, по отношению к общему объему документа.
 Цитирования — доля текстовых пересечений, которые не являются авторскими, но система посчитала их использование корректным, по отношению к общему объему документа. Сюда относятся оформленные по ГОСТу цитаты; общеупотребительные выражения; фрагменты текста, найденные в источниках из коллекций нормативно-правовой документации.
 Текстовое пересечение — фрагмент текста проверяемого документа, совпадающий или почти совпадающий с фрагментом текста источника.
 Источник — документ, проиндексированный в системе и содержащийся в модуле поиска, по которому проводится проверка.
 Оригинальность — доля фрагментов текста проверяемого документа, не обнаруженных ни в одном источнике, по которым шла проверка, по отношению к общему объему документа.
 Заимствования, цитирования и оригинальность являются отдельными показателями и в сумме дают 100%, что соответствует всему тексту проверяемого документа.
 Обращаем Ваше внимание, что система находит текстовые пересечения проверяемого документа с проиндексированными в системе текстовыми источниками. При этом система является вспомогательным инструментом, определение корректности и правомерности заимствований или цитирований, а также авторства текстовых фрагментов проверяемого документа остается в компетенции проверяющего.

№	Доля в отчете	Доля в тексте	Источник	Ссылка	Актуален на	Модуль поиска	Блоков в отчете	Блоков в тексте
[01]	4,62%	4,62%	Гладь озера в пасмурной мгле (сборни.	http://lib.rus.ec	раньше 2011	Модуль поиска Интернет	55	55
[02]	0%	4,47%	не указано	http://dinarubina.com	раньше 2011	Модуль поиска Интернет	0	69
[03]	1,04%	1,12%	не указано	http://portalus.ru	раньше 2011	Модуль поиска Интернет	20	22
[04]	0,95%	1,08%	Лексикографическая параметризация...	http://ams.tsu.ru	02 Окт 2018	Модуль поиска Интернет	26	31
[05]	0,87%	0,91%	Диссертация_Мазаел_О.М..pdf	http://science.vsu.ru	15 Дек 2016	Модуль поиска Интернет	11	13
[06]	0,14%	0,82%	https://esu.citis.ru/dissertation/QZXQMW	https://esu.citis.ru	20 Мар 2018	Модуль поиска Интернет	4	25
[07]	0,27%	0,67%	(читать on-line) (1/2)	http://codenlp.ru	06 Мар 2018	Модуль поиска Интернет	6	14
[08]	0,64%	0,64%	[«Вопросы языкознания» №3 1993]	http://ruslang.ru	29 Ноя 2016	Модуль поиска Интернет	14	14
[09]	0,19%	0,61%	http://docspace.kubsu.ru/docspace/bits...	http://docspace.kubsu.ru	14 Сен 2018	Модуль поиска Интернет	4	10
[10]	0,25%	0,58%	[«Вопросы языкознания» №2 2003]	http://ruslang.ru	01 Дек 2016	Модуль поиска Интернет	3	8
[11]	0,25%	0,44%	Диссертация	http://politlinguist.ru	23 Ноя 2016	Модуль поиска Интернет	11	17
[12]	0,27%	0,38%	Субстантивная метафора в процессе к...	http://knowledge.allbest.ru	раньше 2011	Модуль поиска Интернет	6	7
[13]	0,37%	0,37%	https://narfu.ru/upload/medialibrary/e6...	https://narfu.ru	15 Сен 2018	Модуль поиска Интернет	8	8
[14]	0,28%	0,34%	В ФОРМАТЕ RTF	http://rulit.me	11 Сен 2017	Модуль поиска Интернет	5	6
[15]	0,12%	0,34%	Диссертация	http://politlinguist.ru	23 Ноя 2016	Модуль поиска Интернет	3	9
[16]	0,24%	0,32%	Аругунова Н.Д. Язык и мир человека ...	http://studmed.ru	04 Июл 2016	Модуль поиска Интернет	6	7
[17]	0,26%	0,26%	Дипломы, курсовые работы и реферат..	http://vip-students.com	22 Янв 2013	Модуль поиска Интернет	2	2
[18]	0,08%	0,19%	http://pifk.magtu.ru/doc/pifk-02-2009.pdf	http://pifk.magtu.ru	14 Сен 2018	Модуль поиска Интернет	2	5
[19]	0%	0,14%	http://iling-ran.ru/conferences/2013_telia	http://iling-ran.ru	15 Сен 2018	Модуль поиска Интернет	0	3
[20]	0,14%	0,14%	Комплексное исследование образной ...	http://dslib.net	11 Сен 2018	Модуль поиска Интернет	2	2

